

Виктор Коллингвуд

Б
Л
А
Т
О
С
Л
О
В
Е
Н
Н
Ы
Й



Книга 4

Виктор Коллингвуд

Благословенный. Книга 4

<https://litres.ru/74643212>

SelfPub; 2026

Аннотация

Началась игра по-крупному. Гибралтар в кольце блокады, в Ирландии льётся кровь. Директория ворвалась в Италию, и обессиленная поражениями Вена, не получившая ни Суворова, ни русских штыков, теперь лишь наблюдает, как папский престол становится игрушкой парижских безбожников. Ход истории давно и безнадёжно изменился... к добру ли?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	38
Глава 4	54
Глава 5	70
Глава 6	84
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Виктор Коллингвуд

Благословенный. Книга 4

Название: Благословенный. Книга 4

Автор(-ы): Виктор Коллингвуд

Ссылка: <https://author.today/work/382697>

Глава 1

Интерлюдия. Северное море в районе пролива Скагеррак.

Кэптен Томас Уильямс всегда считал себя крайне удачливым сукиным сыном. Старший из трех сыновей капитана Уильяма Уильямса, погибшего на Сан-Доминго двадцать лет назад, он с детства связал свою судьбу с Королевским флотом. Тринадцатилетним юнгой он принял участие в битвах при Сент-Люсии и Гренаде, где адмирал Баррингтон с пятью линейными кораблями отразил все атаки одиннадцати французских кораблей. Ему было всего девятнадцать, когда волею судеб под его командованием оказался полноценный боевой корабль: кэптен Тыюри, командовавший 44-х пушечным фрегатом 5-го ранга «Асыуранс», где Уильямс служил лейтенантом, слёг с лихорадкой. Сэр Томас любил вспоминать этот поход: тогда они потопили двух и захватили трёх приватиоров - двух французов, голландца, и двух мятежников из американских колоний. Особенно приятна оказалась финансовая сторона дела: Уильямс за время командования получал долю кэптена.

Конечно, по окончании американской войны многие заслуженные командиры флота Его Величества вынуждены были положить зубы на полку: пять лет страна зализывала финансовые раны той долгой и неудачной войны. Зато что началось после того, как в Париже загремела «карманьола»!

Абсолютно всех кэптенов, оказавшихся на берегу, сразу же вернули на службу, и Томас не стал исключением. Ему не было и тридцати, когда он получил свой первый корабль, и тут его карьера понеслась вскачь!

До конца 89-го года он уже захватил пять контрабандных судов. Через год у него был фрегат, а количество захваченных призов перевалило за две дюжины. После захвата лягушатниками Голландии и основания Батавской республики, Уильямс атаковал несколько голландских кэчей, пытавшихся удрать из Гарвича. Тогда Уильямс лично повел своих людей на abordаж этих кораблей и преуспел. В феврале того же года, в невиданный трескучий мороз, его «Дедал» прошёл через замерзавшую на глазах реку Эмс для эвакуации войск армии герцога Йоркского. Несмотря на множество сопровождавших это дело перипетий, люди герцога в конце концов были погружены на борт, а имя дерзкого кэптена стало известно всему флоту.

Весь следующий год прошёл в погонях за призами. 8 июня 1796 года после тяжелейшего боя у острова Силли фрегат Уильямса смог захватить французский фрегат – 44-х пушечный Трибьон. Французский фрегат был куплен военно-морскому флоту и встал в строй под его прежним названием, а Уильямс, как старший из участвовавших в деле офицеров, за этот подвиг был удостоен королём рыцарского звания. Удача не покидала его: в сентябре того же года ему посчастливилось разыскать в океане «суринамский» флот, направляв-

шийся в Амстердам, и захватить пять судов, на борту одного из которых находился не много ни мало - губернатор Кайенны! А теперь он, самый удачливый кэптен Королевского флота, назначен на новейший, восхитительный 24-х фунтовый фрегат «Эндимион».

Когда Уильямс только услышал, что на Дептфордской верфи готовится новый фрегат по образцу французского «Помонне», то понял, что должен либо заполучить его под своё командование, либо умереть в попытках добиться его. Он видел немало французских кораблей, ему довелось побывать на борту «Помонне», и он точно знал – лягушатники умеют строить фрегаты! Пришлось задействовать все свои связи в Адмиралтействе, привлечь родственников жены, леди Джейн Купер, и даже напомнить о себе прославленному адмиралу Ричарду Хау.

И всё равно, он никогда не получил бы «Эндимион», - уж очень длинной была у Королевского флота скамейка запасных - если бы леди Фортуна не улыбнулась снова. В Спидхед и Норе вспыхнул матросский мятеж, страшно дезорганизовавший Флот Канала. И чёртовы голландцы, каким-то образом пронюхавшие про это, совершили свой разрушительный рейд, уничтоживший множество английских кораблей и ещё больше карьер. И вот, Уильямс, всё это время благополучно патрулировавший берега Ирландии, оказался кандидатом номер один на новый фрегат!

Сэр Томас с удовольствием окинул взглядом такелаж сво-

его фрегата. «Эндимион» был включён в списки флота всего три месяца назад, но за это время всем, до последнего юнги, стало ясно: это шедевр. Имея водоизмещение 1300 тонн, вооруженный 46 орудиями (и какими орудиями! Двадцать шесть 24-фунтовых пушек, восемнадцать 32-фунтовых карронад – неслыханная для фрегата огневая мощь!) он развивал к тому же невиданную скорость – более четырнадцати узлов, превзойдя по ходкости французский образец, по которому его строили! И всё это несказанно радовало кэптана Уильямса.

Дело в том, что во всей его славной карьере был один очень досадный промах. Полгода назад ему не удалось перехватить эти чёртовы «клиперы» из княжества Эвер, постоянно шныряющие у берегов Ирландии. Слишком быстрыми оказались эти корабли. Шутка ли: торговцы с днищем, обитым медью, – где такое ещё увидишь?

И вот теперь сэр Томас предвкушал реванш. На девятнадцатый день их крейсерства в проливе Скагеррак марсовый «Эндимиона» заметил по курсу зюйд-вест одинокий парус. Взобравшись на четвертьдек, сэр Томас приник к окуляру подозрительной трубы. Ну конечно – он не мог не узнать этот тае-лаж, эти наклонённые назад высоченные мачты, пять ярусов парусов... Определённо, это был один из «эверских» клиперов, причём, судя по отсутствующему фока-рею, находился он отнюдь не в лучшей своей форме.

– Похоже, его потрепало вчерашним штормом. Как дума-

ете, Перси? – волнуясь, спросил Уильямс, передавая окуляр своему подчинённому.

– Полагаю, это так, кэптен – отозвался первый лейтенант «Эндимиона», Персиваль Найтеринг, в свою очередь, внимательно рассматривая далёкое судно. – С таким такелажем вообще непонятно, как он переносит шторма – нас с подобным оснащением вчерашним смерчем наверняка забросило бы на Луну!

– Ну что же, Перси, полагаю, у вас вскоре появится возможность в подробностях расспросить его капитана, как с такими мечтами и парусами приходится на этакой посудине.

— Мы его поймем, сэр? — живо спросил седовласый констапель* Хендерсон, обращаясь к капитану радостно и добродушно, как это бывает в критических ситуациях среди смелых людей.

— Надеюсь, Кандолл, очень надеюсь, — ответил сэр Томас. — Уверен, мы его нагоним ещё до заката солнца. Если они действительно везут оружие ирландским мятежникам, мы сорвём сегодня знатный куш! И уж, во всяком случае, ваши карронады зададут ему взбучку...

И, повернувшись к лейтенанту Найтерингу, стоявшему перед ним с видом нюхающей воздух гончей, готовой по малейшему знаку охотника сорваться в безумную погоню за добычей, кэптен скомандовал:

– Поднять бом-брамсели!

– Есть, сэр! - отозвался лейтенант, и вся команда встрепе-

нулась. Констапель распорядился, и орудийные расчеты заняли свои места; то же можно сказать и о морских пехотинцах, готовых к абордажной атаке. У каждого орудия стоял комендор, матрос с банником и член абордажной партии с поясом и саблей, и один брасовый, - матрос, который во время артиллерийского боя помогает комендорам, но оставит орудие, если кораблю во время боя придется бросопить реи.** Здесь же слонялся пожарный матрос с ведром: его задача — сразу же затушить огонь, если в ходе боя где-то загорится.

Лейтенант Найтеринг между тем организовывал преследование чёртова эверца.

- На брасы! Капитан сказал - лево руля! Вынести на носу шкоты на ветер! Живее! Грот на гитовы! Ставим ундер-ли-сели, — надеюсь, наш такелаж их выдержит!

Сначала медленно, затем все быстрее и быстрее, под круто обрасопленными передними парусами, наполненными ветром, стремительный хищный красавец «Эндемион» увалился под ветер, который дул теперь по левому траверзу. Через несколько минут фрегат вышел на фордевинд, а ещё через минуту лег на курс бакштаг с ветром в три румба по правой раковине. Всюду был слышен непрерывный топот множества ног. Боцман Уайт и его помощники ревели и свистели словно бешеные, но вышколенный экипаж «Эндемиона» управился с парусами выше всяких похвал, и очень скоро лейтенант Перси смог проорать, преодолевая гул ветра в снастях:

— Прямой грот! Марса-лисели! Мистер Уайт, установите цепные борги и легванты! Впрочем, вижу, мне не нужно говорить вам, что делать.

— Есть, сэр, — ответил боцман, уже карабкавшийся наверх, позвякивая цепями, которые должны были не дать реям упасть во время боя.

С клипера их тоже заметили. В течение полутора часов эверский корабль уходил от погони, но расстояние между «Эндимионом» и контрабандистом неуклонно сокращалось. На клипере, наконец, поставили запасную рею, но это не помогло: фрегат делал почти четырнадцать узлов, в то время как клипер едва мог выжать двенадцать.

— Смотрите-ка сэр, они облегчают корабль! — прокричал лейтенант, увидев через подзорную трубу у самого борта эверца характерные всплески. С клипера скидывали провиант, сливали питьевую воду, сбрасывали бочки и какие-то ящики. Затем лейтенант увидел особенно большой всплеск.

— Похоже, они скинули погонные орудия, сэр! — поражённо воскликнул он, оборачиваясь к капитану.

— Это называется «идти ва-банк», мистер Найтеринг, — пояснил сэр Томас, принимая у лейтенанта подзорную трубу. — Они не рассчитывают победить нас в бою — так зачем им тогда артиллерия? Всю ставку капитан этой посудыны всегда делал на скорость, и, признаться, до сих пор им удавалось сбежать... до тех пор, пока они не встретили нас! Правда, ребята? — обратился кэптен к артиллеристам, стоявшим

у погонного орудия.

– Так точно, сэр! – радостно отвечали матросы.

– Лишь бы нам успеть перехватить их до заката, а там уж мы сделаем своё дело, сэр! – подтвердил констапель. – Чёртова немчура!

– Оставьте, Кандолл! Это русские – уверено ответил ему капитан. – Княжество Эвер давно уже принадлежит царю со всеми потрохами!

Преследование продолжалось. Тянулись томительные часы ожидания. Кэптен Уильямс мерил шагами палубу фрегата, слушая, как в туго натянутых наветренных снастях звенело ровное пение ветра, дувшего в двух румбах позади траверза.

Несмотря на повреждённый такелаж, русский клипер оказался добрым ходоком. Пробили десятую склянку, и солнце уже склонялось к горизонту, когда расстояние между спасающимся и преследующим наконец-то сократилось до артиллерийского выстрела, а значит, пора было дать слово погонным пушкам «Эндимиона».

– Ну что же, мистер Хендерсон, пора вам приступить к делу, сэр! – заявил капитан Уильямс, любивший отдавать приказы в такой неявной форме пожелания-просьбы. – Сбейте-ка им мачту... а лучше – все!

Констапель Хендерсон немедленно бросился исполнять. Канонир первого орудийного расчёта давно ждал этого при-

каза, нервно облизывая губы. Их орудие, длинноствольная девятифунтовая бронзовая пушка, ещё не успевшая покрыться голубой патиной, пока ещё было закреплено по-походному, то есть тесно прижато к порту и принайтено; но ядра и заряды уже громоздились на палубе рядом, готовые пойти в дело.

- Освободить орудие! – приказал констапель.

Матросы тут же развязали лопари талей, которые прижи-мали пушку к борту и перерезали шкимушгар, которым пу-шечные тали обтягивали с брюком. Пронзительный скрип лафетных колёс подтвердил, что орудие освобождено. Те-перь матросы держали обе пушечные тали, чтобы во время качки пушка не откатилась от порта, прежде чем была бы подана следующая команда.

— Навести орудие!

Банящий номер засунул свой гандшпуг под казну пушки и быстрым движением приподнял ее, в то время как комен-дор загнал подъёмный деревянный клин больше чем напо-ловину, придав стволу горизонтальное положение – значит, стрелять они будут «на рикошетах».

— Вынуть дульную пробку!

Сначала матросы откатали орудие, так что дуло оказалось где-то в футе от борта. Брасовый вытащил из канала резную раскрашенную дульную пробку - жертву матросской меж-вахтенной скуки.

— Пушку к борту!

Схватившись за пушечные тали, команда первого орудия проворно выбрала их, подкатив лафет в упор к борту, после чего лопари свернули в красивые небольшие бухточки.

— Зарядить запал!

Взяв протравник, комендор вогнал его в запальное отверстие и проткнул фланелевый картуз, лежащий в канале орудия. Затем насыпал тонкозернистого запального пороха из своего рога в запальное отверстие, сделал им пороховую дорожку на полке и старательно растолок её носиком рога. Банящий номер накрыл порох ладонью, чтобы его не сдуло, закрыл полку и взвёл замок, а пожарный надел рог себе за спину.

— Целься, - приказал Хендерсон, и канонир принял к стволу орудия. Два орудийных номера теперь держали пушечные тали. Банящий номер закрепил на стволе специальный кремниевый замок, снаряжённый для выстрела. Юнга стоял с правой стороны сразу за орудием, держа в руках следующий картуз в кобре. Комендор склонился над орудием, прицеливаясь вдоль ствола.

— Пли!

Комендор спустил курок кремневого замка. Долю секунды было слышно шипение, затем вспышка, и орудие извергло ядро, радуя грохотом хорошо прибитого прибойником заряда пороха, взорвавшегося в ограниченном пространстве. Вспышка пламени в дыму, летящие по ветру куски дымящегося пыжа, орудие катится футов на десять назад, под накло-

нившимся комендором и между номерами орудийного расчёта, глубокое «памм» взявшего на себя отдачу брюка*** — все это произошло почти мгновенно, и тут же раздалась новая команда.

- Закрывать запальное отверстие! — скомандовал констпель Хендерсон, наблюдая за полетом ядра, по мере того, как сопровождающий его белый дым сносило под ветер. Комендор вставил запальную затычку в запальное отверстие, а ядро взметнуло ввысь столб брызг в беспокойном море в четырехстах ярдах по ветру, затем, отрикошетировав, дало ещё один всплеск в трёхстах ярдах далее, затем еще один и пропало где-то за корпусом преследуемого клипера. Расчёт в это время крепко держал откатные тали, удерживая орудие от хаотичных перекатов, обычных при качке.

- Кажется, перелёт — определил Хендерсон. — Пробанить пушку!

Первый номер засунул банник из овечьей шкуры в пожарное ведро и, повернувшись к небольшому пространству между дулом и бортом, высунул рукоятку банника далеко в порт, и вогнал его в канал орудия. Несколько раз добросовестно провернув его, он вытащил черный банник с небольшим дымящимся лоскутком на нём.

— Зарядить картуз!

Юнга уже держал наготове тугой тканевый мешок. Банящий номер вставил его в канал и хорошенько загнал прибойником вглубь. Комендор, засунув протравник в запальное

отверстие, чтобы определить, когда картуз окажется вставлен должным образом, воскликнул:

— На месте!

— Зарядить ядро!

Ядро уже доставали из обоймы, а пыж из сетки, и констапель скомандовал:

— Пушку к борту! Зарядить замок! Навести орудие! Пли! Держим интервал в две минуты, парни! Давайте, навались, как черти!

Несмотря на свежий, пронизывающий ветер, расчеты орудий разделись до пояса, повязав на головы шейные платки для защиты от искр и грохота. Поплёвывая себе на ладони, расчёты стали посылать в клипер ядро за ядром.

— Тишина. Освободить орудие! Навести орудие! Вынуть пробку! Пушку к борту.... До заката надо сбить ему такелаж!

Все на «Эндимионе», начиная от капитана и заканчивая последним юнгой, знали, что ночью клипер может уйти, незаметно сменив курс. Поэтому так надо было принудить его к сдаче именно сейчас!

— Сэр, он меняет курс! — воскликнул лейтенант Найтеринг, всё это время внимательно наблюдавший за действиями оппонента.

Клипер, действительно, увалился под ветер и шёл теперь полным фордевиндом.

— Странно, зачем? — в раздумьях произнёс кэптен Уильямс, услышав слова лейтенанта. Такая смена курса лишь

ухудшала положение преследуемого: ведь наилучшее положение парусника – не строго по ветру (так его паруса затеняют друг друга и не работают в полную силу), а бакштаг, когда ветер дует «сбоку-сзади» или даже галфвинд, когда ветер дует в боковую проекцию судна. Так его паруса работают в полную силу.

– Может, он рассчитывает на свои роскошные ундер-ли-сели? – предположил лейтенант.

– Это напрасно. Наши ребята сейчас понаделают в них дырок! Мистер Хендерсон, усильте огонь! Командоры, кто со-бьёт ему мачту, получит соверен!

– Вы слышали? Соверен от капитана! А ну-ка, давай... начал было констапель, н осекся.

Странная вспышка озарила вдруг корпус клипера. Веретенообразной формы снаряд сорвался с его кормы и, набирая скорость, с шипением устремился к «Энимеону», оставляя за собою густой дымный след.

– Что за... - выругался капитан Уильямс, но закончить фразу не успел: снаряд с громким треском прямо в воздухе разорвался в двадцати ярдах впереди «Эндимиона», а от клипера уже нёсся второй такой же снаряд!

Трах! Трах!! Ракеты одна за одной взрывались в воздухе прямо над фрегатом, расцвечивая вечернее небо кляксами бело-голубого пламени. Пылающие обломки посыпались на палубу, и пожарные матросы забегали со своими вёдрами, торопясь затушить издающий странный химический за-

пах горючий состав. Но оказалось, что целью обстрела был совсем не корпус «Эндимиона»...

– Фор-марсель горит! – раздался вдруг крик сразу нескольких глоток.

Действительно, основной парус фок-мачты, которого коснулись искры воздушных взрывов, вспыхнул оранжевым пламенем, весёло отразившемся в свинцовых волнах и озарившем начинающие быстро темнеть воды Северного моря.

– Тушите парус, ребята! – что есть силы заорал Уильямс.
– Аврал! Заряды в воду!

Пожар на корабле- страшная вещь. Горящий парус засыпает пылающими клочками палубу, отчего могут загореться сложенные у орудий картузы с пороховыми зарядами. Занимаются канаты и ванты, реи падают на палубу; требуется масса усилий, чтобы спасти корабль...

– Горит форм брамсель! – раздался истошный вопль откуда-то сверху.

Случилось то, чего следовало ожидать - третий ярус парусов загорелся от второго

– Джек, прыгай! – заорал кто-то на палубе.

Секундой спустя бело-серая тень мелькнула мимо борта «Эндимиона», подняв в море фонтан брызг. Это марсовый матрос, оказавшись среди пламени, прыгнул вниз, прямо в волнующееся море.

– О боже! Человек за бортом!

Лейтенант подбежал к кэптену, судорожно организовав-

шему работу пожарных помп.

– Сэр, человек за бортом. Сэр!

– Мне чертовски жаль, мистер Найтеринг – флегматично отозвался сэр Томас, не отрываясь от дела и всем своим видом давая понять, что совершенно не сочувствует бедняге, в столь сложный для всей команды момент оказавшемуся настолько глупым, чтобы угодить в воду.

– Но там человек, наш матрос, сэр!

– Чёрт побери, Перси, ты действительно думаешь, что он прыгнул со стофутовой высоты и остался жив?

– Сэр, мы уже не догоним их! Сэр, нам надо спасти нашего парня!

Уильямс в бешенстве обернулся, полным ненависти взглядом провожая корму уходящего клипера, затем снова перевёл взгляд на «Эндимион». Все паруса фок-мачты сгорели; грот-марсель полыхал, разбрасывая вокруг клочья горящей парусины. Матросы метались по палубе, заливая водой то тут, то там возникающие очаги пожара. Положение было критическим; к счастью, канониры оказались достаточно расторопными, чтобы не допустить воспламенения пороховых зарядов. Да, для боя даже со слабым противником «Эндимион» теперь совершенно непригоден. Запасные паруса можно вывесить в течение часа; но надо поправить и такелаж, иначе мачта просто сломается и улетит за борт. А к тому времени станет так темно, что русский неминуемо уйдёт...

– Что же, – задумчиво произнёс сэр Томас, – пожалуй, вы правы, Перси. Давайте остановимся и поищем этого бедолагу. Надеюсь, ещё не поздно.... А эти – он в последний раз бросил взгляд вперёд, где в вечерней туманной дымке растворялся проклятый клипер – эти ещё нам попадутся, поверьте, парни, ведь моя удача всё ещё со мной... И тогда им не помогут все эти фокусы!

* констапель — артиллерийский офицер.

** брасопить реи — разворачивать парус по горизонту.

***брюк — канат, стопорящий орудие при откате.

Глава 2

Зима в этом году выдалась поздней. Декабрь 1797 года, начинавшийся лёгкими позёмками, лишь к середине месяца разразился наконец обильным снегопадом, и крестьяне, наконец, вздохнули с облегчением — теперь озимым хлебам вымерзание не грозит. А для высших классов наступало время предрождественских раутов и куртагов.

Сегодня лучшая половина Петербурга собралась в фамильном особняке княгини Голицыной на Малой Морской. Гостеприимный дом этот, скорее похожий на полноценный дворец, знали решительно все — салон Голицыных не первый год блистал в свете, задавая тон общественному мнению сливок общества Империи. Раут был в разгаре: сам Михаил Михайлович рубился с гостями в баккара, а в тем временем салоне царствовала его супруга – Анна Александровна Голицына.

Разговоры вертелись вокруг самых разнообразных предметов, благо тем для разговоров усилиями Правительства и Двора было превеликое множество.

— Господа вы представляете, что выкинули на днях мои белоколпевские крестьяне? — с неподдельной обидою рассказывал князь Шаховской. — Я предложил им платить 3700 рублей за всё поместье — столько в среднем я и получал с него в прежние времена; так они упёрлись, и ни в какую

— говорят: 1200, и ни целковым более! И рожи ещё наглые такие: стоят, улыбаются! Каковы мерзавцы, не правда ли? Так хотелось накормить их берёзовой кашей, я уж и конюхов кликнул, да вовремя опомнился...

— А жаль; право же, стоило попотчевать напоследок — заметил статский советник Штейн, с показным сочувствием слушавший излияния князя. — Ну так, и что, Пётр Иванович, воспоследовало далее?

— Дальше я, понятное дело, отказал; так они теперь грозят, что съедут на южные земли, в Новороссию! Нет, ну каково, а? В ту самую Тавриду, которую я же и отвоёвывал! А они теперь грозят туда сбежать! Каково, а?

— Не сбежать, Иван Алексеевич, именно что не сбежать, а переселиться на законных основаниях, с получением вспомоществования от Экспедиции колонизации и тридцати десятин от Императорского земельного фонда! Вот что во всём этом самое-то ужасное! — со значением произнёс барон Эртель, державший в это время банк.

Все на мгновение замолчали: намёк был слишком прозрачен.

— Ставок больше нет, господа! — в тишине заявил барон, и все начали вскрываться. Раздались смешки и шутки выигравших и вздохи сожаления проигравших. Конечно, приличные люди никогда не демонстрируют своего огорчения от проигрыша, но теперь финансовые дела были настолько скверны, причём решительно у всех, что сожалеть о проиг-

ранных деньгах уже перестало считаться дурным тоном.

— А ещё вербовщики бродят! — продолжал князь, хотя слушали его больше из сочувствия и вежливости: всем и так всё было известно. — Соблазняют крестьян бросить деревню и ехать в Петербург, в портовые работники, на заводы или на стройки. Обещают золотые горы, — мол, и квартиру дадим, и подъёмные, да и жалование обещают чуть не пятнадцать целковых. Понятно, народ их слушает, бросает свои избы да и вострит лыжи в Питер. Ну уж а там оказывается, что квартира есть смрадный барак, а обещанных денег с петербургскими ценами не хватает и на самую скромную жизнь. Да только мало кто возвращается: всё одно столичная публика нашего сиволапого вокруг пальца обведёт! Кого на корабль сманят, до Китая и обратно, а кто и на рудники...

— Конечно! Теперь кумпанства открывают все, кому не лень; а работников-то нет! Ну и приказчики рыщут везде, подыскивая людей. Иной раз такие деньги предлагают, что я бы сам, пожалуй, не отказался бы от такой службы! — заметил юный красавец Рибопьер.

— Да, господа, с этим — беда! У меня так приказчика сманили. Четырнадцать лет беспорочно служил он еще моему батюшке; и тут, вообразите себе — предложили ему в Русско-Левантийской компании жалование аж полторы тысячи рублей, ну он и сбежал, *pardonne-moi*, задрав портки! — подлил масла в огонь Николай Николаевич Муравьев.

Услышав про бегство приказчика, вдруг встрепнулся

граф Ливен.

— Господа, кстати о побегах: не знаете, правдивы ли слухи, что в Уральских горах нынче начали добывать какие-то страшные пуды золота? У меня две деревни в полном составе снялось с места и туда переехало! Александр Сергеевич - позвал он вошедшего графа Строганова - сие ваша епархия, вам и отвечать!

Граф слухи подтвердил.

— Врать не буду, ибо сам на Урале не был уже много лет, но слышал от приказчика тагильских заводов, Никанора Кузьмича, что сие есть истинная правда! Да только все доходы забирает себе казна, а промышленникам от того изобилия достаются лишь потери работников, что бегут с их заводов на золотые прииски! Наше семейство потеряло на этом огромные деньги!

— Да, рабочие же теперь все как один — вольные. То часы работы хотят снизить, а жалование оставить, как есть, то тёплые бараки, то отпуска... А плавку налогом обложили — с пуда меди два целковых вынь да положь! - подтвердил Иван Пашков, наследник богатых уральских заводов. — Право слово, господа, с начала нового царствования все дела приняли какой-то неправильный оборот! В иные времена господа гвардейцы такого не стали бы терпеть!

— Тсссс!!! - зашипел кто-то из игроков. - Вы что, сударь, такое изволите здесь говорить? Не слышали про «Экспедицию общественной безопасности»?

— Ах, оставьте, — легкомысленно заметил князь Голицын, — тут все свои! Да только, говори, не говори, а проку с этого мало. Прошли те времена... Ныне полки господина Суворова, превращённые императором Александром в новых преторианцев, не дают никаких возможностей изменить ход дел! Ни сам граф, ни его люди ничего и слышать не желают! Вы заметили — почти все командиры полков заменены теперь суворовскими креатурами, в большинстве своём из мелких дворян, или совсем не имеющих душ, или владеющих 20-30 мужиками, так что жалование у них — главный доход. И все они горою стоят за генерал-фельдмаршала; про нижних чинов нечего и говорить. А Суворов готов петухом орать, лишь бы у его дочери всё было благополучно: чаю, ежели издадут теперь указ, что с благородного дворянства велено сдирать теперь шкуру — граф Рымникский первый скинет камзол для примеру, и поведёт офицеров своих на живодёрню!

— Но, право же, дела так больше идти не могут! Есть ли какая надежда? — у всех сразу и ни у кого конкретно вопрошал князь Пётр Васильевич Лопухин. Хозяин дома попытался его успокоить:

— Скажу так: все упования свои обращаю я на графа Воронцова! Александр Романович очень благоразумный и мудрый вельможа! Он ныне председательствующий Непременным Советом и глава Коммерц-коллегии. Уверен, он не даст злу зайти лишком далеко!

– На этот предмет однажды я имел разговор с графом, господом. Александр Романович раскрыл мне тайну: оказалось, будучи ещё наследником, император Александр, опасаясь революции на французский манер, говорил с ним о желании прекратить сложившиеся в России отношения крестьянства и дворян. Граф Воронцов никак не смог отвратить цесаревича от сего гибельного намерения; с трудом убедил он его не нарушать хотя бы священных прав дворянства на землю! Притом, однако же, под влиянием графа цесаревич обещал дать полные правительственные prerogative российскому Сенату, что могло бы смягчить зло: Сенат, полный опытейших вельмож прежнего царствования, осторожными и мудрыми шагами мог бы исправить последствия неуравновешенной, нервической деятельности нашего молодого, увлекающегося монарха. Однако же, время идёт, а государь не торопится исполнять обещания; то и дело он придирается к разного рода мелочам в законодательном проекте Александра Романовича!

– «*Vivere in sperando, morire in cacando*»* – со смехом произнёс князь Владимир Яшвиль. – Да стоит ли ждать чего хорошего от конституционных мечтаний? Ну, добьётся граф Воронцов наделения Сената правительственной властью, и что? Нам вернут крепостных? Ничуть!

– Да, граф так и сказывал, что государь император, стоя на страже законов, решил провернуть всё до введения твердых гарантий прав собственности. Будь у нас конституция, гос-

пода, нас бы так просто не лишили нашего имущества! Уж я не ведаю, насколько плох финский король Павел Петрович, но, чтобы там про него не говорили, он своих чухонцев достояния не лишает!

– Господа, мы что-то уже заговорились... куда-то не туда. Этак можно в самую Сибирь завернуть! – прогудел осторожный князь Куракин. – Давайте-ка от многострадального нашего Отечества перейдём к делам внешним. Ваше сиятельство, господин посол: просветите нас, завоюет ли Директория Италию?

Граф Андрей Кириллович Разумовский, долгое время бывший посланником в Вене, а теперь, заслужив неблагодарность молодого государя, поспешно оттуда отозванный, лишь флегматично пожал плечами.

– Вы знаете, господа, что английский флот был вынужден покинуть Средиземное море. Это тотчас решило судьбу Италии – французы, воспользовавшись этим, обошли блокированные пьемонтцами альпийские перевалы через Лигурийское побережье и ворвались в Ломбардию. Я полагаю, игра а Апеннинах сыграна: австрийцы не решатся противостоять карманьоляцам. Теперь мистер Питт пытается уменьшить зло, субсидируя неаполитанского короля и папу на войну против безбожников; да только никто и мысли не допускает, что итальянцы выстоят супротив Франции!

– Боже мой, Боже, куда всё катится и что же будет завтра! – злой скороговоркой произнесла графиня Голицына. – Как

же не хватает русской армии на Рейне!

Князь Куракин полностью с этим огласился:

- О да! И ведь всё уже было готово к походу. Если бы не смерть государыни....

- А я наблюдаю здесь верный расчёт, – заявил вдруг молодой Тургенев. – В видах нашего правительства заставить всю Европу умолять нас вступить в её дела. Вон, Семён Романович из Лондона пишет, что Питт обещает семьсот тысяч фунтов за то только, чтобы мы вступили в коалицию; и это помимо возмещения военных расходов! Наверняка его императорское величество дожидается ещё более лестных предложений от Австрии, и тогда вступит в дело в тот самый момент, когда наш вклад в общее дело сделается самым весомым!

- Вы полагаете, Англия сделает более выгодное, чем теперь, предложение? – удивился Александр Львович Нарышкин.

- Определённо! Питт должен быть в ужасе: у него теперь в Ирландии столько забот, что он, верно, готов теперь на всё.

- Ах, оставьте. Император не станет торговать русской кровью, – убеждённо заявил Пётр Волконский, недавно назначенный флигель-адъютантом и теперь полагавшийся "александрийцем". – Тем более, что войне в Персии конца не видно....

- Надо было посылать туда Суворова, а не этого Бонапарта – резонно заметил Рибопьер.

– Государя обманули! – хозяйка салона с треском развернула веер, и начала трепетать им столь яростно, будто хотела сдуть им все возражения. – Вокруг него собрались совершенно негодные люди, которые обманывают нашего ангела на каждом шагу. Я уверена, именно в этом весь корень зла!

В подобных разговорах и прошёл этот вечер. И никто не обращал ровным счётом никакого внимания на кофешенка, разносившего гостям бисквиты...

Прочитав доклад о разговорах на рауте у Голицыных, я небрежно отложил его в сторону и мрачно уставился на полковника Скалона. Антон Антонович, сидевший передо мною в красивой новой форме – тёмно-синий фрачный мундир с чёрным лацканом и серебряным прибором, в этот момент, наверное, мысленно развёл руками – что тут поделаешь, таковы настроения благородного дворянства!

Близился новый, 1798 год – первый, в котором крестьяне не будут нести ни барщины, ни оброка, ни какой иной личной повинности: теперь с них полагались лишь арендные или издольные платежи. И, несмотря на предоставленный помещикам год (целый год!) на урегулирование спорных вопросов, дело шло с неимоверным трудом. Помещики либо высокомерно не желали договариваться с крестьянами, либо выдвигали какие-то совершенно безумные условия. Крестьяне волновались, не в силах выдержать этой неопределенности в столь важном для них вопросе: на каких условиях они бу-

дут возделывать землю в новом году? Во многих губерниях оттого пострадали посевы озимых: не зная, в какую цену обойдётся им аренда, крестьяне до поры воздерживались от работ. Впрочем, как видно из представленного доклада, господа дворяне своим новым положением тоже страшно недовольны! И, судя по толстой папке в руках у полковника Скалона, салон Голицыных - не единственный, где выражают недовольство.

Впрочем, ничего не поделаешь – я давно и плотно сижу у тигра на шее. Лишь бы не выскользнули из рук его усы...

– Значит, Антон Антонович, таковы настроения в салоне княгини Голицыной. Ясно! А что говорят у Нарышкиных, у Головиной?

Тут надобно пояснить, что в Петербурге к тому времени сложилось несколько «авторитетных» аристократических клубов, сплетни в которых и задавали тон настроениям «света».

Петербургское общество в это время было оживленным, блестящим и исполненным самых разнообразных оттенков. Многие богатые и знатные дома устраивали приемы, на которых особой популярностью пользовались иностранные гости; петербургские вельможи наперебой зазывали их к себе, и постоянно перебивали друг у друга. Основной тон задавали дипломатический корпус и французские эмигранты.

Самыми знаменитыми в это время почитались салоны княгини Долгоруковой, и княгини Голицыной. Эти две да-

мы спорили друг с другом умом, красотой и обаятельностью; ходили слухи, что когда-то обе они соперничали ещё и за благосклонность князя Потемкина. Другим столпом светской жизни был дом Нарышкиных. Хозяин его, Лев Нарышкин, веселый, приветливый, добродушный бессменный обер-шталмейстер покойной императрицы, неустанно устраивавший для неё разнообразные маскарады, куртаги и рауты, десятки лет пытался разориться на балах и приемах, но, несмотря на все усилия, никак не мог достичь своей цели. Двери его дома были открыты для всех, — и у него бывал, кто только хотел. И потому, кроме французских эмигрантов, у Нарышкиных всегда можно было встретить казаков, татар, черкесов и всякого рода азиатов, далеко не всегда принимаемых в иных домах.

Салон Головиных ничем не походил на предыдущий, находясь, можно сказать, на другом полюсе петербургского «света». У них не бывало ежедневных вечеров, и не случалось нарышкинского проходного двора; но вместо этого один-два раза в неделю в их особняке на Английской набережной собирались маленькие кружки избранного общества. Хозяйка дома, Варвара Головина, бывшая фрейлина Екатерины (та самая, которую я оклеветал когда-то связью с Платоном Зубовым), надо признать, была талантлива, умна, и любила искусства. Здесь мало говорили о политике, предпочитая науки и искусства, отчего моей тайной полиции он был малоинтересен.

Пятый столп петербургского бомонда, дом Строгановых имел, опять-таки, свои особенности. Граф, живший долгое время во Франции, усвоил там навыки, которые представляли резкую противоположность со вкусами большинства великосветских вельмож. В его доме говорили о Вольтере, о Дидро, о Питте и Директории – и, наряду с тем, здесь накрывался огромный стол, и к обеду безо всякого приглашения являлось множество всякого рода гостей, любивших за рюмкой шабли поговорить о высокой политике. Строганов-младший, наследник всего этого богатства, по сию пору проживал в Париже, вращаясь в самых высоких революционных кругах... и крутил всякие тёмные делишки с графом Орловым. Этот салон наблюдался особенно внимательно – ведь агент Строганов-младший, будучи важным нелегалом, требовал сугубого к себе внимания!

В общем, салонов в Петербурге было много, и за всеми велось наблюдение. Говорили там всякое, в основном – не самое лестное для молодого императора и его семьи. Особое возмущение света вызывала история бракосочетания великой княжны Александры и бригадира Бонапарта. Все разом вспомнили, какое участие в судьбе юной Александрин принимала покойная императрица; сколь сильно желала она воссоединения своей юной внучки с обаятельным и романтическим шведским наследником престола. А теперь, получается, новый император цинично презрел наследие своей августейшей бабки, позволив окрутить юный неопытный цве-

точек какому-то там Бонапарту – проходимцу и авантюристу, дикому горцу из захолустного Аяччио. Скандал!

Мне, правда, удалось немного «подстелить соломку», свалив всё на Ростопчина. Теоретически, Александрин находилась под его присмотром, и вся вина в наибольшей степени падала на его голову. Но увы, – все светские люди понимали: не будь на то моей монаршей воли, никакого брака русской великой княжны и корсиканского дикаря не было бы и в помине! Ну а мое благоволение Николаю Карловичу всегда было секретом Полишинеля.

– Так что же говорят в других салонах? – вновь спросил я у Антона Антоновича.

– К сожалению, Александр Павлович, (моё имя и отчество Скалон до сих пор выговаривал с некоторым опасением, будто ступая на тонкий лёд. Непривычно человеку осьмнадцатого века быть запанибрата с собственным императором!), сведения из других салонов у нас очень обрывочны и скудны!

– Отчего же?

– Информаторы, увы, не справляются с обязанностями. В доме Голицыных нами завербован кофешенк-француз; он слышит и докладывает решительно всё. В протчих салонах мы имеем осведомителей лишь среди нашей прислуги: а они иностранных языков не понимают. Из-за этого большая часть сведений проходит мимо нас!

– А «благородные» так-таки отказываются с вами сотру-

ничать?

– Увы. Ремесло сие почитается низким и недостойным дворянского звания! Потому пробавляемся мы лишь прислугою...

Я задумался. Это проблема. Это проблема! Слуги далеко не всё слышат... и, что ещё важнее, не всё понимают из услышанного. Дело тут даже не в знании французского – в конце концов, иностранному языку можно и научить. Но иногда полунамёки, оттенки сказанного – вот что имеет значение; а понять их может только выходец из того круга лиц, что ведут разговор... Нда. Проблема!

Как же тут поступить...

И тут мне вспомнилась дерзкая дамочка, что сыграла когда-то столь важную роль в моей судьбе. Бинго!

– Послушайте-ка, Антон Антонович! – в возбуждении заговорил я. – Решение находится прямо у нас перед глазами! Дворяне считают ниже своего достоинства информировать государя о действительном положении дел в обществе – пускай; раз уж такова их причуда, будем её уважать. Но зато есть же д а м ы !

На малоэмоциональном, всегда сохраняющем одно и то же выражение лице Скалона мелькнуло недоумение.

– Вы полагаете, ва... Александр Павлович, что женский пол пригоден для такого рода употребления?

– А вы сомневаетесь?

– Ну... – полковник, принуждённый изрекать банально-

сти, кажется, чувствовал себя не в своей тарелке, – известное легкомыслие и отсутствие систематичности в мышлении делают дам малопригодными для....

– Пустое! Вы были знакомы с государыней Екатериной? Нет? Ну вот могу вам доложить: с систематичностью и логикой у неё всё было отлично – получше, чем у иных господ. Конечно, об этом не принято говорить в свете, но именно в этом причина, отчего Екатерина Великая сменила Петра Фёдоровича! Да и до того бывало всякое: история помнит имена великой королевы Елизаветы Английской, Семирамиды и Иоанны Д'Арк...

– Но это выдающиеся женщины, далеко поднявшиеся над уровнем своего пола! – скептически заметил Антон Антонович. – Такие рождаются раз в сто лет!

– Да, но нам и не нужно ничего столь же сложного, как те задачи и затруднения, что вставали пред этими героинями! Всего лишь пересказать разговор – неужели вы думаете, что средняя женщина не справится с таким? Конечно, иные из них настолько ограничены, что неспособны и на такую малость; но, право же, в свете несложно будет найти вполне исполнительную даму, достаточно умную, чтобы понять смысл разговора, даже иносказательного, и притом не столь щепетильную, как наши молодые дворяне. Женщины в чём-то честнее и проще, чем мы; они имеют трезвый взгляд на мир и на людей. А ещё я посоветовал бы поискать среди французских эмигрантов...

– Увы, Александр Павлович! – Скалон так решительно замотал головой, что я на секунду опешил. – Эти господа ревностно блюдут свою честь!

– Виконты и маркизы – да. Но среди них немало и людей простого звания, не столь щепетильных; между тем, везде в Петербурге их прекрасно принимают. А если вспомнить, сколь плохи у многих из них денежные обстоятельства.... В общем, тут есть над чем поработать. И самым удачным сочетанием я полагаю тот случай, когда объект отвечает обоим обозначенным мной признакам!

– То есть? – не понял Антон Антонович.

– Эмигрант – дама. Вот что надобно искать! Особенно балерины и актрисы!

Скалон выпятил губы, раздумывая над моими словами. Я знал, на какой предмет сейчас обратились его мысли.

Затем мы обсудили еще несколько важных, но второстепенных вопросов, и Антон Антонович собрался уже откланяться, как вдруг, смешавшись, и даже вроде бы покраснев, произнёс:

– Александр Павлович, прошу простить великодушно, но... право же, зря вы с Натальей Александровной ведёте столь закрытую жизнь! Траур по в бозе усопшей государыне давно кончен; так пусть ваш Двор вновь станет светочем нашего общества!

Нда, полковник прав. Надо возобновить светскую жизнь. Ведь весь свет Петербурга, по сути своей, ни что иное, как

отражение Двора! При государыне Екатерине всякий разговор, — да что там, можно сказать, почти всякая фраза, — кончались всегда новостями, касающимися происходящего во дворце. Что там сказали? Что там сделали? Что думают делать? Вся жизненная импульсия шла оттуда, и теперь «свет» ощущает сильнейший недостаток сведений. Конечно, последние несколько месяцев мне было не до того: дел было столько, что не продохнуть, да ещё беременность и роды жены... Но, теперь все дома, в Зимнем, и можно устроить череду зимних представлений, балов и маскарадов, как любила императрица. И, непременно надо добавить свою изюминку!

*«Vivere in sperando, morire in cacando» - Жить в надежде — умереть в говне (лат.)

Глава 3

В прошлой своей жизни к религии я всегда относился спокойно. Скажем прямо, и сейчас к рьяным верующим меня не отнести, хотя объяснить рациональными доводами вселение скромного молодого педагога в тело красавца-цесаревича явным образом невозможно. И всё-таки я часто манкировал посещением церкви, делая это лишь по крайней необходимости. Наташа же, воспитанная совершенно иным образом, не пропускала ни одной службы.

Вернувшись с заутрени, она подсела за стол, где я уже ожидал завтрак.

– Саша, на утренней службе я видела Александрин. Она очень интересуется, когда Николая вернётся из Персии? Они ведь новобрачные...

– Собственно, это зависит от бригадира Бонапарта! Как только возьмёт Тегеран и добьётся выгодного мира – сразу же вернётся в Петербург!

– Но это же может быть так долго...

– Полагаешь, Николай Карлович долго провозится с персами? Не думаю!

– Но, может быть, всё-таки как-то...

– Ах, не беспокойся. Уверен, всё будет хорошо! – постарался я успокоить супругу, а через её посредство – и сестру, и невольно вспоминая события полугодичной давности...

*Интерлюдия. **

Королевство Финляндия, Гельсингфорс, Королевский дворец Мариенхофф, 12 июля 1797 года.

Мария, королева Финнланда, в прошлом — София-Доротея Вюртембергская, разносила в детской гувернанток, даже не пытаясь скрыть раздражение. Десятая беременность на тридцать восьмом году жизни и так причиняла небывалый ранее дискомфорт; а тут ещё и эта удушающая летняя жара, и неисправность прислуги...

Боже всемогущий, как же тупы эти чухонки! Ну почему, почему мы не выписали гувернантку из Англии? С ними никогда не было никаких промашек! Ну так нет же — Его Величество то и дело охватывают приступы экономии; тогда король сам садится проверять счета, безжалостно вычёркивая все бесполезные, с ЕГО точки зрения, траты. И вот, пожалуйста — местные гувернантки умудрились простудить младших детей на прогулке. Летом. В жару! Donnerwetter!

И теперь у годовалого Ники и его двухлетней сестры Анны жар; они хныкают дуэтом, и, видимо, больше не от болезни, а робея от настроения матери. Хорошо хоть старшие девочки, Елена, Мария и Екатерина оказались здоровы и вели себя вполне спокойно...

Наконец, королева замолчала, досадливо морща губы. Конечно, орать на слуг — крайне неблагородное дело, и столь высокородным особам оно совсем не к лицу. Но нервы Ма-

рии Фёдоровны были уже сильно расшатаны постоянным недовольством так называемым «дворцом», бывшей резиденцией шведского губернатора, который даже на фоне Гатчинского дворца, не говоря уже о петербургских, выглядел откровенно убого. Да и вся эта нищая Финляндия, ещё при шведах сидевшая на дотациях, не шла ни в какое сравнение не то что с Российской Империей, а даже и ни с одной из её провинций. Сейм и Сенат цеплялись за каждый грош, и строительство новой королевской резиденции, начавшееся аж шесть лет назад на деньги, подаренные императрицею Екатериной, не было кончено и по сю пору... А всё потому, что дорогой супруг все, решительно все средства тянет на свою игрушечную армию! В итоге дети ютятся в одной комнате, ссорятся, мешают друг другу, а если заболевают — то сразу все вдруг!

Королева раздраженно хлопнула веером, уже не спасавшим от влажной финской духоты. И в этот момент со стороны покоев короля вдруг донеслись яростные вопли, треск и звон ломаемых и разбиваемых вещей. Похоже, король Павел был в настоящем бешенстве! О, Mein Gott! Этого ещё не доставало...

— Шарлотта, — обратилась королева к своей статс-даме и единственной близкой подруге Шарлотте фон Ливен, — будьте так любезны, узнайте, что там происходит!

Статс-дама отсутствовала недолго и вбежала в детскую, скандализованная донельзя:

— Ваше Величество, Государь в ужасной ярости крушит свой кабинет! Все лакеи в страхе разбежались!

Несмотря на жару, королева зябко поёжилась. Слишком хорошо ей было известно, каков король в гневе! Но делать-то нечего — обстановка кабинета тоже стоила денег, тех самых, которых не было уже многие годы.

— Надо узнать, что с ним случилось, — решила, наконец, королева, направившись к кабинету супруга, откуда издали ещё доносились треск, грохот и жалобное дребезжание фарфора.

Покои короля были пустынные, придворные и слуги, давно и твёрдо усвоившие, что в эти моменты Павлу лучше не попадаться на глаза, все куда-то попрятались. Только гвардейцы из Русского полка, сопровождавшие Павла ещё с Гатчины, неизменно стояли на своих постах, делая королеве на караул.

Подойдя к двери кабинета, где звон разбиваемого стекла и фарфора перемежался с русскими, французскими, немецкими, финскими и шведскими ругательствами и, почему-то, яростными криками про «якобинство» и «потемкинский дух», Мария Фёдоровна произнесла короткую молитву, толкнула тяжелую дверь и... едва успела захлопнуть ее перед летящей прямо в лицо вазой!

— ВОООООН!!! — послышалось из кабинета.

— Мой друг, это я! — громко произнесла королева, — Позвольте мне войти!

Шум в кабинете затих, и подождав несколько мгновений, королева открыла дверь, переступив порог кабинета... Но Mon Dieu, что собой представлял этот кабинет! Вся мебель переломана, оконные стёкла выбиты, драгоценные вазы китайского фарфора (подарок из Аничкова дворца) разбиты вдребезги... И посреди этого разгрома стоял король Павел с взъерошенным видом, в сбитом набок парике, с перекошенным лицом, метая глазами молнии, угрожающе жестикулируя своей тяжелой тростью.

— Ааа! Очень кстати, madame!

— Что случилось, Ваше Величество? — спокойно поинтересовалась королева, — Чем так провинился ваш кабинет?

— Не кабинет! — отрывисто выкрикнул Павел. Придя в бешенство, он всегда разговаривал рублеными фразами. — Не кабинет, но кое-кто провинился! Почитайте вот это, и вдумайтесь, какого императора вы подарили России и нашему Дому? И, подбежав к Марии, Его Величество сунул ей как-то письмо.

— Если я правильно помню, сердце моё, дарили мы его вместе, — не приняла обвинения королева, вчитываясь в письмо, пока её красный как рак муж, шумно дыша, в бешенстве стоял посреди разгромленного кабинета, рубя тростью воздух. По мере чтения, по ее лицу пронесся весь спектр существующих в природе цветов. Первое, чему учат девочек княжеского рода - это умению владеть собою; но в этот раз только огромное напряжение сил удержало Марию от обмо-

рока.

— Это... Это... Это неслыханно! Да как он посмел! Отдать нашу дочь за какого то Буонапартия! Это европейский скандал! Позор для всего дома Романовых! Для всех монарших домов Европы!

— Рад что вы это понимаете, madame, — мрачно ответил немного успокоившийся Павел. — Покойная маменька даже после смерти умудрилась нагадить! Сама не умела воспитывать детей, жила как кукушка, и мне не давала! Поручила нашего сына швейцарскому республиканцу Лагарпу — И вот, пожалуйста! Плоды!!! Он-то и научил его всякому якобинству! Дворянство со всех сторон обидел, шпицрутены отменил, армию вверил дураку Суворову, конституцию какую-то готовит, а теперь вот, и до нашей семьи добрался!

— Да он просто сошел с ума! — вскипела от возмущения королева. — Надо немедленно это прекратить!

— И как вы собираетесь это «прекращать», madame? — поинтересовался король, — Мы в Гельсингфорсе, а наша дочь в Петербурге. А этот Буонапартий вообще отправлен в Персию! Командовать армией! В бригадирском чине! Какое-во?!

— Надо ехать в Петербург! — решительно заявила Мария, — В письме указано, что бракосочетание прошло формально. Александрин ещё не стала на деле женой этого корсиканца, ей четырнадцать, слава Богу, нашему сыну хватило мозгов не укладывать её в корсиканскую постель! Брак еще

можно аннулировать в Синоде!

Слушая жену Павел понемногу успокаивался, обретая уверенность.

— Верно! Право, не думал, что когда-нибудь скажу такое, но у вас светлая голова, madame! Эй, кто там! Немедля готовьте выезд! Мы едем в Петербург! Не-за-мед-ли-тель-но! Он мне за всё ответит!

Несколько дней спустя. Петербург. Зимний дворец. 16 июля 1797 года.

Беседа императора России с королем и королевой Финляндии происходила наедине и за закрытыми дверями. В конце концов, это наше семейное дело. Даже Наташу не стал звать — незачем ей волноваться; а Курносов для таких разговоров слишком несдержан. Хорошо еще родители за время поездки от Гельсингфорса до Петербурга, несколько успокоились, и вели себя почти прилично... Почти.

А ещё я хорошо подготовился к разговору. Сперанский целую ночь не спал, составляя мне меморандум о матримониальных союзах правителей Российской державы! Так что я смело бросился головой в омут:

— Откровенно говоря, дорогие PapA и MamA, я не понимаю ваших претензий. Что я сделал не так?

— Издеваешься? — взорвался Павел. — Сначала этот недостойный мезальянс — женитьба на некоронованной особе...

— Вообще-то, Рара, жениться на дочери генерал-фельд-маршала и самого великого полководца в истории России, куда менее позорно, чем на чухонской портомойке, взятой из-под эскадрона драгун; но эта женитьба не помешала императору Петру Алексеевичу стать Великим. А эта портомойка после него и на троне успела посидеть пару лет, и ни ваша бабка Анна Петровна, ни мой дед Петр Федорович, ни вы, Рара, не стыдились происхождения от этой простой чухонской женщины. А если вспомнить великих князей и царей времён более ранних, то надобно признать — далеко не все они брали в супруги высочайших особ! Наоборот, обычно они предпочитали жениться на дочерях своих сановников. У Василия Ивановича первая жена была из бояр, потомков мурзы Чета; вторая из беглых литовских князей, потомков Мамай. У Ивана Грозного, (прозванного за жестокость Васильевичем, мысленно прибавил я), только вторая жена, дочь кабардинского князя, как-то тянет на принцессу, остальные — из семей обычных бояр и дворян. Право, граф Суворов почище будет. У Федора Ивановича худародная правнучка мурзы Чета, супруга Годунова — дочка Малюты Скуратова, обычного дворянина! Потом был Василий Шуйский — жена из боярской семьи. У Михаила Федоровича первая жена была из князей Рюриковичей, а вторая из обычных дворян. У Алексей Михайловича Тишайшего — из дворян туманного происхождения. Да-да, это про нашу пра-пра-прабабку Нарышкину. У Федора Алексеевича пер-

вая жена польская шляхтянка, вторая провинциальная дворянка. Как видите, не всем перечисленным перед Топал-Пашой, как турки его называют, нос задирать. Да и мне, как императору, такой брак полезнее, чем с какой-то немецкой мелкотой, от которой никакой пользы, только деньги тянут и в войну с Францией стравить пытаются... А Суворов — это Армия! Я уж умолчу про чувства и свежую кровь. В конце концов, по закону, русский царь имеет право жениться на ком захочет...

— Ладно, тебе один Бог судия — прервала мою лекцию маман. — Я уже давно лишилась иллюзий на твой счет. Но как ты мог поступить так с бедной Александрин! Отдать мою дочь за безродного корсиканца!.. Я требую аннулировать этот брак, тем более что пока он только на словах!

— Опять же — начнём с начала. С каких это пор Николай Карлович почитается как безродный, МамА? Род Бонапартов ведет начало от тосканских владетельных графов Кадолинги, известных в истории с X века от Рождества Христова. Напомню, что ваши, РарА, ольденбургские предки, и ваши, МамА, вюртембергские, — могут проследить свою родословную не раньше XI века, как и бабушкины предки Аскании. Предком Николая Карловича был миланский герцог Наполеоне Делла Торре, живший в XIII веке. Если уж потомки банкиров Фуггеров, ставших имперскими князьями меньше трех веков назад, могут вступать в браки с августейшими особами, думаю, бригадир Бонапарт вполне достоин

быть мужем моей сестры. И, одна маленькая деталь — он отличный полководец. Прекрасно показал себя в Польше, а до того — в шведской войне, благодаря чему вы, Рара, стали королём. Талантами он не уступит самому Суворову, надо только опыта поднабраться. В это тяжёлое время всеобщей европейской войны он нужен мне и он нужен России. Александр Васильевич стар, сколько ему осталось? А звезда Бонапарта только восходит. В конце концов, Дмитриев-Мамонов был из захудалых смоленских Рюриковичей, даже потерявших княжеский титул, и как генерал в подметки Николаю Карловичу не годился, но это не помешало ему жениться на сестре Анны Иоанновны.

Честно говоря, читал я в будущем, будто то бы эта тысячелетняя родословная Бонапартов — подделка, по мнению ученых XXI века, а родственная связь с миланским Наполеоне XIII века вообще семейная легенда, рассказанная как-то Николаем Карловичем, но к счастью, в XVIII–XIX веках в подлинности этой родословной никто не сомневался, а имя Наполеоне даже в Италии является весьма редким, и происхождение нашего Буонапартия от средневекового герцога Наполеоне (кстати тоже весьма воинственного и закончившего жизнь в плену) выглядит довольно правдоподобно. Повезло что дорогие родители не историки, и в итальянских родословных не разбираются.

— Это все было давно, далеко и вообще Бог знает, насколько правда! — криво усмехнулся Павел, — Последние

века эти Бонапарты были обычными козопасами на Корсике! Папаша твоего протеже зарабатывал адвокатством, и был в адъютантах у мятежника Паоли!

— Что делать! — печально вздохнул я, — Надо же людям как-то кормиться... Лучше уж законничеством, чем разбоем, как средневековые предки многих аристократов. Не все, знаете ли, наследуют королевские домены или кабинетные земли. Да и из унаследовавших, некоторые теряют — французская королевская семья не даст соврать, да и не только она. Что до Паоли, то мятежником он был лишь для генуэзских торгашей, которые сами нарушили древние права корсиканцев. С каких пор вы согласны с республиканцами, Рара? Короне Франции Паоли никогда не присягал, и корсиканцы были в своем праве, сопротивляясь французскому захвату. По крайней мере, Бонапарты никогда не заискивали перед толпами революционной черни в Париже, как принц Эгалите с сыном, маркиз Лафайет, графы Мирабо и Баррас... Даже одно это внушает к ним больше уважения.

— На всё, как погляжу, у тебя есть ответ! — ядовито заметил король Финляндии, — Может и остальных моих дочерей решил пристроить за своих прихлебателей?

— Господь с вами, Ваше Величество! Я объяснил причины брака Александрин. Согласитесь, Николай Карлович будет для неё куда лучшим мужем чем упрямый шведский идиот, породниться с которым вы так мечтали. И гадюшник Венского двора — не то место, которого я хотел бы для кого-то

из своей семьи. Но я заинтересован в самых лучших партиях для моих сестёр! Это не только в ваших интересах, но и в моих. Я абсолютно ничего не имею против браков сестриц с царственными особами. Например, брака Елены с наследником Мекленбургского герцогства. Это будет полезно для России. Я дам ей достойное приданое. Только у меня есть условие — в Мекленбурге сестра будет под присмотром русских лекарей, обученных по новой методе. А рожать будет в Петербурге! Не доверяю я этим европейским коновалам, и не хочу лишиться ни сестры ни племянников!

— На это можно согласиться, — задумчиво произнесла Мария Фёдоровна. — Но как же Мария, Екатерина и Анна?

— Для Анны и Екатерины найдутся в Европе короны получше какой-то немецкой мелкоты! Особенно с приданным от русского императора. Сардинский королевский дом чем плох? Или Неаполитанский? В обмен мы получаем базы для нашего флота в Средиземном море! А есть ещё Испания и Португалия!

— Испанские Бурбоны предали идею монархии, вступив в союз с безбожными революционерами! — проворчал Павел.

— Пруссакки тоже замирились с парижскими республиканцами, Рара, как и гессенцы. И уже вся Германия готова последовать их примеру. Австрийцы ведут переговоры в Раштатте, изнемогая от последствий борьбы с Директорией. *Novus ab integro nascitur ordo**. Сейчас никому не по силам опрокинуть Французскую Республику. Она может погубить

себя только сама, как Английская Республика при Кромвеле.

— Да чёрт с ними, с французами. Почему мы не обсудили Марию? — неожиданно заинтересовалась королева Финляндии.

— Потому что Марию, МамА, я хочу выдать за князя Багратиона.

— Ты опять за своё? — вскинулся Павел. — Он не владетельный принц!

— Зато он из царствующего дома Грузии, существующего с IV века. В Европе нет ни одного монаршего или аристократического рода, который может похвастать такой древностью. Хотя для меня важнее что он талантливый полководец, может быть лишь немного уступающий Бонапарту. А может быть и не уступающий. Князь Пётр любимый ученик Суворова. Грузинские царства находятся теперь в очень неустойчивом положении, и смена династии там просто напрашивается сама собою... Впрочем, не Грузией единой; другие мои сёстры, имея энергичных мужей, тоже могут на многое рассчитывать. Как говорил один древнерусский князь, «с дружиной добуду себе золото». Сейчас в Европе такое время, что реально заполучить много больше, чем мог бы обеспечить сумасшедший шведский король с его прижимистым ригсдагом!

Тут Павел вдруг сочувственно кивнул. Стрела попала в цель — пожив в Финляндии, он понял, что самостоятельное, но нищее королевство — то ещё счастье. Какая армия (да и

казна), может быть в холодной и небольшой северной стране, где население и до миллиона не дотягивает?.. Вот уж поистине — «приют убогого чухонца»!

— А уж каких вершин можно достичь на Востоке....
— продолжал я соблазнять почище библейского Змея, — вплоть до земель богдыхана! В общем, я уверен, что для Николая Карловича с Александрин найдётся бесхозное самостоятельное княжество, в которых они и их потомки будут владетельными принцами. Я обещаю. Ну что, мы договорились?

— Хорошо! Я согласен, — после некоторого раздумья отозвался Павел, — но мне нужны деньги на армию! Эти чухонские и швецкие депутаты и сенаторы средства на военные расходы ассигнуют с превеликой потугой, словно ерша против шерсти рожают!

— А ещё нужны средства на достройку и содержание дворца! — тут же вставила Мария Федоровна, — Я хочу, наконец, пожить с семьей нормально!

Ну вот, процесс пошел! Торговля — это то что надо! Посчитаем, уважаемые кроты!

— Вы знаете, у меня тут совершенно случайно образовалось много совершенно ненужных вещей. Вся обстановка Анничкова и Таврического дворцов, Гатчины, Павловска, Петергофа... А ещё граф Орлов из Парижа прислал кучу мебели из Тюильри!

— Тюильри — это интересно... протянула Мария Фёдо-

ровна, — там, помнится, были такие гардины...

— Всё, что угодно, совершенно без ограничений! МамА, РарА, для вас я готов на все!

— Ну ладно, ладно — успокаиваясь, проворчал Павел. — Будем считать, что ты нас переубедил. Остаётся только одно: Федьку этого Ростопчина, мерзавца, выдай мне головою! Он же, подлец, мало, что Сашеньку не уберёг, да к тебе на службу переметнулся — так он ещё такие басни про меня по Петербургу распустил, что кровь стынет в жилах!

Тут он немного застал меня врасплох; к счастью, я скоро сообразил, как поступить.

— Мосье Ростопчин? Непременно! Я сам его накажу, со всей строгостью. Отправлю его туда, где и ворон костей его не найдёт!

— Ну, смотри. Я надеюсь, крепко надеюсь, что всё исполнишь, как уговаривались! И ещё...

Павел вдруг увлёк меня в сторону, будто желая рассмотреть одну из картин.

— У вас при дворе подвизается фрейлиной одна особа... Анна Лопухина. Нельзя ли уволить её со службы? Мария Фёдоровна очень её желала, только сама попросить постесняется.

— Да, собственно, не вижу препятствий. Я всегда готов угодить Мамане...

— Ну и славно, договорились. Только никому не говори, это мой ей сюрприз!

И, крайне довольный собой, Павел удалился, жестикулируя тростью.

Через некоторое время "родители" уехали, увозя с собою круглую сумму на обзаведение и три корабля обстановки и мебели. А чуть погода отправилась в Гельсингфорс и юная Анна Лопухина (и что в ней РарА нашёл, ума не приложу). Правда, прежде чем получить паспорт, ей пришлось побеседовать с полковником Скалоном и подписать кое-какие бумаги, взяв на свою юную совесть некоторые, специфического свойства, обязательства. Но это совсем другая история...

* — написано в соавторстве со Sturmflieger

** — *Novus ab integro nascitur ordo.* — «Рождается новый порядок вещей» (лат).

Глава 4

Сегодняшнее утро началось с отчета о стычке в Немецком море. Наш клипер «Ариадна», под завязку набитый порохом для ирландских повстанцев, был атакован английским фрегатом, оказавшемся выдающимся ходоком. Не имея возможности оторваться, капитан Савинов вынужден был примерить против английского фрегата ракеты с фосфорной боевой частью, действующие по типу шрапнели: они дают разрывы в воздухе на дистанции, задаваемой дистанционной трубкой. Что же, хорошо, что наш корабль смог уйти; плохо, что при этом пришлось засветить нашу последнюю оружейную разработку. Нацарапав резолюцию: «Адмиралу Мордвинову. Ваши предложения?» я передал доклад статс-секретарю Трощинскому.

— Отдайте в Морской штаб, пусть по возвращении клипера в Кронштадт допросят капитана, команду и решат, достоин он наказания или награды!

Сам я в этом деле решать ничего не стал: рубить с плеча не стоит, особенно в щекотливом деле награждения или наказания людей, рискующих жизнью на государственной службе.

Трощинский вернулся, принес пачку писем, полученных через общий почтовый ящик, вешенный на стене Зимнего дворца для всех желающих. Так-так, что тут на этот раз?

Пасквиль. Карикатура. Памфлет. Ещё пасквиль. Порно-

графическая карикатура – копия английской. Не трогали бы вы мою семью, господа... А это – французская поделка по польским лекалам: как же не любят там моего тестя! Увы, свобода слова – на сегодняшний день в основном это свобода оскорблений. Чертовски понимаю брата Николая, возжелавшего однажды послать на премьеру одной гаденькой антирусской пьесы «четыреста тысяч зрителей в серых шинелях».

И это – лишь однодневный «улов» почтовых ящиков, собирающих жалобы и ходатайства населения, да ещё и отфильтрованный статс-секретарями. Увы, 99% того, что приходит через этот ящик – абсолютно бесполезный хлам; либо оскорбления и карикатуры, либо чисто своекорыстные прошения и кляузы. Но иногда попадаются и дельные вещи – вот, например, вот это...

Одно из посланий привлекло моё внимание: пухлое, в дюжину листов, исписанных мелким каллиграфическим почерком. Некий господин писал мне об... образовании! Не доносил на начальство, не жаловался на обиды по службе – нет, тут в кои то веки кто-то озаботился общегосударственным интересом! И – надо же, какая досада – анонимно!

Вызвав Макарова, заведовавшего Экспедицией общественно безопасности, я показал ему письмо.

– Найдите мне этого господина! Только не обижать, вести себя с ним предельно корректно!

А заодно разместил в газете объявление такого содержа-

ния: «Лицу, направившему в канцелярию государя императора письмо об устройстве дела народного образования, предлагается самолично явиться в Зимний дворец для обсуждения сего вопроса». Главное, чтобы не набежало тут самозванцев и всякого рода городских сумасшедших!

Вообще, Петербург бурлил. Чёртовы писаки-публицисты, столь долго сдерживаемые строгим надзором «матушки-императрицы», теперь будто с цепи сорвались. Разумеется, они первым делом начали хаяться со всеми вокруг, и на всё подряд задирать лапу, включая священную особу государя-императора. Того самого, что им эту самую свободу и дал. Канальи...

На улицах все говорили о конституции. Казалось, каждый второй носил в кармане свой собственный проект: кроме известного «полуофициального» варианта от канцлера А.Р. Воронцова, мне поступили проекты от адмирала Мордвинова, Валериана Зубова, и даже от писателя Карамзина!

Но, разумеется, никто не собирался отдавать написание основного закона на самотёк.

Когда конституционная инициатива Воронцова закончилась фиаско, я решил собрать комиссию, на которой подробнее рассмотреть все положения грядущего Основного закона, дабы не было больше этих порожных законодательных инициатив. Одним из основных разработчиков правительственного проекта стал, конечно же, Радищев – ему было поручено составить и согласовать сразу несколько его раз-

делов. Кроме того, ещё он занимался крестьянскими делами, составляя несколько законодательных актов, посвященных устройству пореформенной деревни и разграничению крестьянской и помещичьей собственности. Я всячески его ободрял и поддерживал, помня о нестабильности подорванной невзгодами писательской психики (в известной мне истории Радищев покончил с собою, импульсивно отреагировав на какую-то критику со стороны начальства). Работа его была не так проста, как может показаться. Высшие классы (и Воронцов в том числе) активно тянули одеяло на себя, в своих проектах щедро награждая дворян различными привилегиями. Например, странным предметом для разногласий стало желание дворянства «быть судимыми лицами одного с нами состояния» то есть дворянами же. Я хотел всесловный суд с участием присяжных; дворяне были категорически против, не желая ни в какой степени вставать на одну доску с бывшими «рабами». Александр Николаевич всегда проявлял принципиальность и не шёл на поводу даже у бывшего начальника, так много помогавшего ему во время ссылки. Однажды мы так заработались, что не заметили наступление вечера; и я пригласил Александра Николаевича на ужин.

Сегодня во дворце был прекрасный ростбиф прожарки *medium rare*, как всегда, вызывавший ужас Натальи Александровны, оранжерейная спаржа, консоме из рябчиков и салат, отдалённо напоминающий «цезарь с курицей», но только не с курицей.

Наташа возилась с ребёнком: Александр Александрович впервые пробовал что-то, кроме молока. Вокруг него одновременно приплясывали моя супруга, гувернантка Прасковья Ивановна, и двое фрейлин. Радищев посматривал на всё это несколько диковато: ведь детей до 15-ти летнего возраста категорически не сажали ни за стол, ни даже рядом!

— Как поживаете в Петербурге? — начала светский разговор Наталья Александровна, когда сына, наконец, накормили и унесли.

— Всё лучше, чем в Поднебесной империи, под боком которой я не так давно обитал! — ответил Александр Николаевич, опасливо ковыряясь в кровоточащем мясе.

— Да, кстати, вы ведь так и не рассказали, каково вам пришлось тогда в Кяхте! Вы ведь тогда даже ездили в Китай на переговоры? — вдруг вспомнил я.

— Да, было дело!

— Ой, а расскажите, как там всё, в Китае? — вдруг заинтересовалась и Наташа.

— Как говорят, хорошо там, где нас нет! Итак, довелось мне побывать в составе нашей миссии, проводившей переговоры по поводу возобновления Кяхтинской торговли. Вашею, Александр Павлович, милостию в ссылке я был назначен на Кяхтинскую таможню; однако же, когда я прибыл на место, оказалось, что торговля наша с Китаем, как была прервана восемь лет назад из-за ограбления китайского купца бурятами, так по ту пору и не возобновилась.

— А в чём там было дело? — удивился я. — Ведь грабителей тогда вроде нашли?

— Да, этих подлецов к тому времени поймали и изобличили; да только цинам не понравилось, что вместо смертной казни у нас преступников приговорили к битью кнутом и ссылке. У нас ведь, как известно, натуральной смертной казни со времён Елизаветы Петровны нет, хотя упорное битие кнутом вполне её заменяет; однакож китайский чиновник, дзргучи Юнлин, упорно настаивал на строгом выполнении договора 27-го года, требующего смертной казни, и приказал китайским купцам до тех пор прекратить торговлю. Напрасно убеждали его, что от порки кнутом обычно умирают — китайцы ничего не хотели слушать.

- Вот ведь кровожадные! - осудила китайские нравы Наташа.

- Да уж, у них там приняты такие казни, что за столом о них рассказывать совершенно неприлично! Так вот: торговля стояла, зато умножилась контрабанда, — незаконные поездки торговых людей из Китая и в Китай. Не успели мы с этим разобраться, как случилась новая напасть: цинский подданный, лама по имени Самайрин заявил, что, заблудившись, попал в киргиз-кайсацкие кочевья, где его поймали и продали в рабство в Россию. В доказательство, подлец этакой, показывал письмо от губернатора русского города Оромдоо, где тот обращается к торгоутскому князю, уверяя его в существующем у петербургского кабинета намерении

отвоевать его земли у Цинов. Насилу удалось убедить китайцев, что письмо подложное: в России ведь нет города с названием «Оромдоо»! Вскрылось, что на сургучной печати оттиснута обычная монета с гербом Российской империи, а само письмо написано с чудовищными ошибками. В конце концов этот Самайрин сознался, что сочинил письмо сам, боясь наказания за незаконный переход границы.

- Как интересно! Какой-то субъект чуть было не устроил войны между Россией и Китаем? А мы тут, в Петербурге, и знать не знаем! - возмутился я.

- Да, Александр Павлович, вот такие чудеса! - произнёс Александр Николаевич, сочувственно смотря своими тёплыми тёмными глазами. - Да чему удивляться, если вся Сибирь в Петербурге почитается не частью России, а просто неким бездонным колодезём, из которого нужно вытаскивать золото вёдрами, не отдавая ничего взамен! Но, мы отвлеклись...

Итак, Саймарин был разоблачён, последние препоны пали, и начались уже переговоры об отправке посольства: не могу сказать, чтобы они были легки! Проходили дни и недели, и ничто не предвещало нашего скорого отъезда. Чрезвычайная медленность в ответах китайского правительства последовала за первою его поспешностью; постоянно следовали придирки, неуместные требования, и время терялось в бесплодной переписке. Большим препятствием к сближению оказалась многочисленность свиты; более всего пугали китайцев сорок драгун с капитаном и двадцать казаков с сот-

ником, данных послу в виде телохранителей. Были еще другие, посторонние причины, действовавшие на нерешительность и сварливость китайцев. Наша сторона, конечно, тоже немало во всё виновата: мы любим похвастаться, попугать, и чужестранные газеты давно уже говорили о великих приготовлениях наших и каком-то замысле на Китай. Доходили также слухи, что добрые наши союзники, англичане, не оставив того без внимания, усилили против нас свои происки. Коварное это правительство, которое завистливыми очами глядит на все концы мира, в мыслях тайно пожирает китайскую торговлю и кончит тем, что у нас на носу ею овладеют!

— Ну, это мы посмотрим, — сухо ответил я. — А что было дальше?

— Итак, мы всё ожидали отбытия. Руководитель посольства нашего, господин Нагель, особо от нас требовал, чтобы мы не показывали нетерпения; изъявление скуки, малейшее любопытство в сем случае ставились нам в величайшую вину. Это непереносимое требование в общении с китайцами: не показывать, что ты алчешь своей цели, иначе они заломят такую цену, что волком взвоешь! Стараясь сохранить всю важность государственного достоинства своего, наш посол до окончания переговоров ни себе ни нам не позволял даже видеть китайцев; для того нам воспрещено было ездить в торговую Кяхту, а их не пускали в Троицкосавск. Письма и газеты из Петербурга приходили к нам исправно; только новости никогда не были свежи, потому что почта ходила от-

туда полтора месяца, иногда и долее.

Лишь около половины декабря 91-го года дзаргучей* Юн-лин и комендант маймачинский потребовали аудиенции у посла, и мы в первый раз увидели китайцев. Он явился с приятным известием, что молодой родственник императора, Бейс, с многочисленной свитой уже на пути из Пекина, чтобы встретить и проводить туда наше посольство. Затем снято запрещение ездить нам в торговую Кяхту и в Маймачин, и я не из последних сим дозволением воспользовался.

— Китайский город? Как интересно! — воскликнула Наташа, налегая на спаржу.

— О, да! Маймачин — единственный китайский городок, который я видел, и весьма примечательный. Он построен правильным четвероугольником и весь обнесен превысоким забором; разбитой, как регулярный сад, и самые улицы его могут почитаться узкими аллеями; все строения там совершенно одинаковой вышины, приземистое, сплошное, без малейшего разрыва и единого окна. Такою улицей идешь, как коридором, между двух стен, вымазанных сероватою глиной; справа и слева дома различаются только раскрашенными воротами со столбиками и пестрыми над ними навесами. На каждом перекрестке есть крытое место с четырьмя воротами, так что всякая улица может запираться, как дом; над крытым же местом всегда возвышается деревянная башня, в два или три яруса, расцвеченная, с драконами, колокольчиками, бубенчиками, какие вы видели на картинках или в

садах. Это давало Маймачину довольно красивый вид, особенно в сравнении с двумя нашими Кяхтами, большою и малою; но беда, если пожар: ничто там не уцелеет!

На другом конце города пустили меня в китайскую божницу, посвященную богу брани; он находится в особенном месте или приделе и стоя держит за узду бешеного коня. В главном же храме видел я колоссального Конфуция, богато разодетого, высоко на фоне сидящего, и массивную, пудов в двадцать, железную полированную лампаду, день и ночь перед ним горящую.

— И там -то и были у вас переговоры?

— Точно так, Александр Павлович! Лишь только посол узнал о прибытии Бейса в Маймачин, — продолжал Радищев, — тут же имел у посла публичную аудиенцию, на которой мы все присутствовали; потом другую, приватную. Навель, стараясь приноровиться к восточной напыщенности речей, через переводчика так и сыпал гиперболами, на кои Бейс отвечал тихо и скромно; а между тем Байков в углу со смехом ругал китайцев непотребными словами, не замечая, что в свите Бейса находились маймачинцы, очень хорошо понимающие русский язык и любимые народные поговорки. Китайский принц оказался совсем не похож был на китайца: худощав, смугл, с правильными чертами, черными глазами и усиками, с нежным и приятным голосом; он всем понравился. Наряд китайцев невольно смешил нас: курьезно было видеть мужчин в кофтах с юбками. Всего страннее пока-

зался мне экипаж, в котором привезли Бейса: это была арба на двух колесах с оглоблями. Забавны показались нам и воины китайские, с луком и колчаном за спиной, со стеклянною шишкой на шапке и с прикрепленным к ней павлиньим пером. Я видел, как сии герои, обступив наших драгун, сидящих на коне, смотрели на них с ужасом: правда, народ был подобран все рослый, усастый, лошади под ними были как слоны, и каски на них в аршин вышиною; но все-таки солдаты другой азиатской нации, при виде их, умели бы скрыть свой страх; эти же азиатские амурьеры казались испуганными донельзя.

- В общем, войска богдыхана вас не впечатлили, - резюмировал я, подливая Радищеву лафиту. Александр Николаевич же настолько уже освоился, что принял это совершенно спокойно.

- Несколько тысяч нашего войска легко одолеют полмиллиона китайцев; это не моё мнение - я ведь в военных делах не силён, это говорят местные жители. Впрочем, торговля с китаем много выгоднее войны!

Итак, торговый договор наконец был подписан, и в Кяхту потянулись чайные караваны. Пользуясь случаем, Нагель попытался договориться об аудиенции у богдыхана; тут представлена ему была репетиция того церемониала, который должен был он соблюсти при представлении императору. В комнату, в которой поставлено было изображение сего последнего (нет, не сам он, а всего лишь изображение!) должен

был войти наш посол на четвереньках, имея на спине шитую подушку, на которой покоится верительная его грамота. Ларион Тимофеевич отвечал, что согласится на такое унижение тогда только, как получит на то дозволение от своего двора; китайцы не стали ждать. На том и делу конец!

Наступил для посольства день отъезда, 21 декабря. Снегу не было; холод несколько дней начал усиливаться; в это утро термометр на солнце спустился на 14 градусов ниже точки замерзания. Перспектива была неутешительна: дни проводить в колясках или верхом, а ночью в клетчатых, войлочном укутанных юртах или кибитках; посол мрачен, все другие печальны. Первый раз в жизни услышал я слово бивуак, не зная, что через несколько дней должен буду испытать его значение! С кем-то, на дрожках, рано поутру отправился я в малую Кяхту. Скоро прибыл туда посол с дружиной и в деревянной церкви выслушал благодарственный молебен, что исполнил он благополучно указание государыни императрицы; тут же и кяхтинские купцы поставили каждый по пудовой свечке.

— Да, сложно иметь дело с китайцами. А подскажите, Александр Николаевич, известно ли, какими путями можно достичь с этим народом успехов в делах?

— Дело сие почти невозможное! Но, если кто и знает пути, — тут Радищев глубокомысленно поднял вилку, будто подчёркивая свою мысль, — так это отцы иезуиты. Они больше ста лет как живут в Китае, пользуются там уваже-

нием, насколько вообще там может быть уважаем иностранец; часто выступают переводчиками и имеют свои подворья! Особенно среди проживающих в Китае известен и уважаем пастор Габриэль Грубер. Уж не знаю, чем он их прельстил, но китайские иезуиты о нём самого высокого мнения!

Так-так, подумалось мне. А иезуиты-то в настоящий момент — «мои сукины дети»! Кстати, их генеральный викарий, Габриэль Линкевич, давно уже дожидается аудиенции. Надо спросить его об этом Грубере...

Тихонько подозревая Трощинского, я приказал ему незамедлительно эту аудиенцию и устроить.

Радищев тем временем рассказывал свои злоключения по дороге из Сибири.

— Вот, тяжко вам пришлось в ссылке! — заметила Наталья Александровна.

— Тяжело жить в Сибири, но люди там хорошие. Как я многожды замечал, чем суровее условия жизни, тем добрее народ, в той стране проживающий. Поверите ли, у меня сердце сжалось, когда пришлось мне расставаться с товарищами; за шесть лет свыкся я с ними в ссылке! Все простились со мной дружески, все накануне снабдили меня письмами в Петербург.

— А как доехали из Сибири? Должно, путь долог и опасен?

— Ооо! - оживился Александр Николаевич, - по дороге

ждало меня было любопытное, совсем необыкновенное зрелище! Обе Кяхты, Маймачин шли вместе с громадным обозом, что тянулся более чем на версту. Все, что шло через Сибирь отделениями, было тут собрано вместе с присоединением драгун, казаков и свиты китайского князька, которая была вдвое более посольской. Целые табуны диких, степных лошадей были впряжены в повозки и европейские коляски, каких они от роду не видавали; они ржали, бесились, становились на дыбы и часто рвали веревочные постромки. На козлах сидели монголы с русскими людьми, которые учили их править. Другие монголы, привлеченные любопытством, носились кругом на своих лошаденках. Впереди, ужасно величественный, посол ехал верхом со своею кавалькадой. Шум, гвалт, кутерьма! С сим удивительным поездом и доехали мы до самой Перми.

Вообще, наверное, нет в России дороги гаже, чем Сибирский тракт. Хорошо, что возвращался я зимою; в иное время обозы там способны просто утонуть в грязи!

— Ну, дороги-то у нас везде не очень! — меланхолично заметил я.

— Да не скажите! Вот в этой самой Пермской губернии — там всё совсем по-другому! Главные дороги там дренированы, устроены приличные мостки, а виной всему местный губернатор — Карл Фёдорович Модерах. Очень деятельный немец, и совершеннейший бессеребренник!

«Модерах» — отложил я в памяти фамилию человека,

способного побеждать одну из всегдашних русских нападений; затем спросил:

— Как интересно! А мне вот говорили, что на левом берегу Амура китайцев совершенно нет. Так ли сие?

— Истинная правда. Собственно, их и с правого-то берега немного. Маньчжуры, господа китайцев, запрещают тем селиться в северных краях, да и сами китайцы не особо стремятся в холодные сии земли. Для них это тяжело — нет ни привычного им продовольствия, много необычных для них болезней, особенно от местных лесных клещей...**

Он говорил, а я призадумался. Вот есть у нас с Китаем Нерчинский договор, определяющий наши границы. Казалось бы, всё понятно — договор есть договор, его выполнять. Но вдруг мы выясняем, что часть территории. Которую мы признали китайской, на самом деле таковой не является. Там нет китайцев, а правительство в Пекине не контролирует левобережье Амура. Это означает 2 вещи:

а) китайцы обманули нас, заявляя, что это их земли. На самом деле эти территории «ничейные», Китай их не контролирует.

б) любая третья держава, достаточно активная и сильная, может занять эти земли, и сделать их своими, наплевав на все наши с Китаем соглашения.

А нам чертовски нужен Амур, точнее говоря, навигация по Амуру. По этой реке мы можем сравнительно просто достигать океана, а значит — Камчатки и Аляски. И земли Да-

урии просто необходимы нашим восточным владениям: может быть, для китайцев эти земли — не ахти что, но для наших крестьян это богатейшие и плодороднейшие земли, способные кормить пол-Сибири и Аляску...

И вот встаёт вопрос — что нам делать с Нерчинским договором? Мне почему-то кажется, что китайцы нас обманули, заявляя о своем суверенитете над левым берегом Амура. С таким же успехом они могли бы претендовать на суверенитет над Луною; ни там, ни там китайцев нет.

Пожалуй, стоит посоветоваться с Суворовым. И надо срочно найти господина по фамилии Модерах...

* Дзаргучей — цинский управитель в Маймачене, торговом городке, недалеко от центра русско-китайской торговли Кяхты. На эту должность мог быть назначен только монгол, известный лояльным отношением к маньчжурам. Дзаргучей занимался торговлей, налогами, полицией, судом, отношениями с русскими пограничными властями. Хотя дзаргучей и назначался ургинским амбаном, но имел большую самостоятельность и практически являлся единоличным хозяином на оживленной китайско-российской границе.

** - распространяемый клещами энцефалит служил сдерживающим фактором для проникновения китайцев на территорию Дальнего Востока.

Глава 5

Подкинуть родителям немного денег на «обзаведение», в общем, для меня особого труда не составляло: конечно, с финансами всё было сложно, но, тыфу-тыфу-тыфу, потихоньку налаживалось. В казну поступили первые пуды Уральско-го намывного золота; мы начали мыть песок сразу на сорока восьми приисках, и большинство участков внушало самые радужные надежды. А ещё... ещё была у меня одна задумка, смелая, рискованная..., но чрезвычайно многообещающая. Правда, для благополучного её исполнения должно было сойтись несколько условий — Михаил Илларионович Кутузов должен был в очередной раз достать кролика из шляпы, на этот раз в Париже и Мадриде; сверх того, в этом проекте независимо от Кутузова будут задействованы как раз этот самый Фёдор Васильевич Ростопчин, взывавший такое неудовольствие финского короля, и некий иезуитский патер Габриэль Грубер. Кутузову я направил уведомление о грядущем назначении на новую дипломатическую должность, присовокупив пухлый пакет с инструкциями. А господ Грубера и Ростопчина пора было нацеливать на задачу...

Вызвав обоих, я прежде всего переговорил с каждым отдельно; и первым оказался Фёдор Васильевич.

— Граф, мы с королём Финляндским недавно вас вспоминали. Вам не икалось?

— Благодарю, нет, — осторожно произнёс Фёдор Васильевич, и в выпуклых глазах его поселилась тревога.

— Скажите, каким вы видите своё будущее при моём дворе?

Тревога Ростопчина прямо на моих глазах подскочила до степени паранойи.

— Я готов ко всякой службе, любому заданию, которое вы решите мне поручить! — с готовностью отвечал он, всячески демонстрируя служебное рвение и бодрость.

«Бьёт копытом. Этот будет рыть землю, — подумалось мне, — ишь, головой бодается, словно твой конь! Вот и славное: рыть землю — это именно то, что мне от него надо!»

— Ну что же, граф, у вас есть прекрасная возможность послужить Отечеству и мне, навек оставшись в памяти поколений. Вы, верно, наслышаны, что на днях прошли переговоры с испанским чрезвычайным посланником, адмиралом Гравиной, итогом которых стал трактат о передаче нам во владение земель так называемой Верхней Калифорнии. И там теперь, соответственно, надобен там губернатор. Решительный, хладнокровный человек, можно сказать, проконсул, способный твёрдой рукой управлять обширнейшими территориями на побережье Тихого океана, вступать в переговоры и с дикими племенами, и с туземными вождями, и с эмиссарами европейских Ост-Индских компаний! Пользуясь случаем, я спросил у Павла Петровича, кто бы это мог быть — и, представляете, он назвал мне вас!

Бедняга Ростопчин просто окаменел. Насколько я мог судить о его состоянии по глазам, почти выкатывающимся из орбит, его паранойя, быстро миновав степень параноидального психоза, уверенно двигалась к парафрении.

— Калифорния? Но... это же край света! — наконец пролепетал он самым прежалким образом.

— Пустое, Фёдор Васильевич! Какой там «край» — Земля же круглая! Да и места там, как говорят, просто замечательные, хоть и пока диковатые. Ну а вы, смелый и предприимчивый предводитель, придётесь там ко двору! Теперь в Кронштадте готовится большая экспедиция в те края; через три недели отбытие. Вам выпала честь возглавить её! Вот подробная инструкция, что надлежит предпринять: ознакомьтесь, и если появятся вдруг вопросы, тотчас же задайте их мне!

Потрясённый этим напором, Фёдор Васильевич дрожащими руками взял пухлую папку, поданную моим адъютантом Волконским, и начал читать.

Я терпеливо ждал. За время чтения по лицу Ростопчина пробежала целая гамма эмоций: то удивление, то ужас, то удивление, то гнев, и снова удивление... и наконец, красный как рак, он оторвался от чтения.

— Так, то есть, я понимаю, нам надлежит выйти из Кронштадта в середине июля, а уже летом будущего года быть в Калифорнии?

— Да. Все корабли ваши — высокоскоростные клиперы и

барки. Будете делать большие переходы, подстраиваясь под пассаты. Есть, конечно, некоторая опасность попасть в экваториальный штиль, но...

— И, выгрузив экспедицию в Калифорнии, далее часть судов отправляется в Китай через порт Акапулько в Новой Испании, а один или два клипера ставится на снабжение продовольствием Ново-Архангельска, Охотска и Камчатки?

— Именно так. Суда будут загружены железом и механизмами паровых машин, а также оружием и товарами, необходимыми для новой колонии. В Испании вам надо будет принять на борт партию ртути и представителя испанского двора, дона Чуракку. Оттуда, не тратя времени, вы идёте в Сингапур. Оттуда вы отправите моего представителя в Китай, для чего надобно снестись с тамошним генерал-губернатором, господином Муловским. Вы же плывёте в Калифорнию, и далее действуете согласно инструкции!

— Ваше величество, если это всё — Ростопчин трясущимися руками поднял папку — если это достижимо, то это будет невероятное, отчаянное предприятие!

— Именно. И вы будете его частью. Успеха, граф!

Следующим посетителем был патер Габриэль Грубер.

Отец Грубер был иезуитом из Вены. В 1784 году, когда в Европе начались гонения на его орден, он прибыл в Белоруссию, где долго преподавал архитектуру и физику в Полоцком иезуитском коллегиуме. Благодаря его усилиям это учебное

заведение превратилось в крупный технический центр. Созданные им лично, либо под его руководством машины и механизмы не только активно использовались в учебном процессе, но и с успехом демонстрировались гостям коллегия. Одним из самых известных творений мастера была механическая голова. Высоко в стене, почти под потолком, была установлена голова старца с длинными седыми волосами. Механическая конструкция с подвижными деталями «говорила» на всех распространенных в то время языках и на любые вопросы посетителей: голова эта отвечала внятно, громко, логично, с полным знанием обстоятельств, так что вопрошавший положительно приходил в полный ужас. Какова должна была быть вера в мудрость и почти сверхъестественную силу иезуитов, когда никому не приходило на мысль, что за стеною сидел опытный механик, приводивший в движение глаза и все лицо головы и отвечавший за неё...

Когда в 1796 году власть сменилась, Грубер оказался в Техническом центре, где поспособствовал созданию разнообразных механизмов. Верно, он бы так и трудился на благо науки и христианской веры (как он её понимал), но тут, по воле случая, я узнал от Александра Николаевича Радищева, что святой отец, кроме всего прочего, имеет очень хорошие связи в Китае!

Надо сказать, страна эта уже более ста лет находилась под большим влиянием святых отцов из ордена Игнатия Лойолы. Они смогли втереться в доверие маньчжурской дина-

стии, и добились у цинов важных постов, способствуя проникновению в Поднебесную зачатков европейских знаний. Достаточно сказать, что именно они наладили в Китае ли-тьё пушек! Во время заключения Нерчинского мира иезуиты выступили переводчиками и посредниками между русским воеводой Головиным и маньчжурским правительством; причём посредничали и переводили так ловко, что чуть не довели дело до новой войны. К счастью, нашим тогда удалось их изобличить, и дело кончилось Нерчинским миром. В общем, те ещё гады; но теперь они должны были послужить моим интересам.

– Да, действительно, мои братья по ордену имеют вес при дворе богдыхана. Но всё равно – китайцы сложные для него-циации партнёры!

– Уверен, мы подберём к ним ключи.

– Закупка товаров в Китае, о которой вы говорите, несо-мненно, возможна. Но нужно серебро! Китайцы неохотно обменивают свои товары на европейские!

– Серебро будет. Ваше дело – договориться о крупных партиях чая. Об очень крупных партиях!

– А что насчёт остальных китайских товаров? Шёлк, фар-фор...

– Нет. Мы сосредоточимся на чае. Что же касается наших товаров – то нам следует предложить им что-то стоящее... то, что они оценят по достоинству.

Иезуит понимающе улыбнулся.

– Ваше величество говорит об ... опиуме?

– Нет, что вы. Эту гадость мы продавать им не будем. Скорее наоборот – предложим им нечто, что заставит их забыть навсегда об опиуме!

И я изложил ему свой план.

Когда я закончил, Грубер задумчиво сложил ладони кончиками пальцев друг к другу и вытянув трубочкою губы, как человек, озадаченный сложнейшей проблемой.

– Право, не знаю. Положительно не знаю, что вам сказать, Ваше Величество, – наконец произнёс он. – Такую штуку никто ещё не проворачивал; и скажу вам прямо, сомневаюсь, что это возможно в Китае.

– Давайте попытаемся! А в обмен на эту услугу вы получите исключительное право содержать миссии в Калифорнии вместо францисканцев.

Наконец патер, кажется, принял решение.

– Да, я готов рискнуть. Своей жизнью, честным именем, репутацией Ордена. Я хорошо помню, как государыня Екатерина предоставила нам гостеприимство своей империи, когда весь мир отвернулся от нас. Но, имейте в виду, Ваше Величество - я не могу ничего обещать. Искренне надеюсь, что неудача не скажется на том добром отношении, что встречаем мы повсеместно в России!

– Договорились – холоднее, чем собирался, произнёс я. – Но вы уж постарайтесь.

Интерлюдия

Ранняя весна в Истамбуле знаменита переменчивостью погоды. То по воле Аллаха на головы правоверных вдруг падает снег, то с Чёрного моря налетает ледяной ветер с дождём, то южный «лодос» приносит удушающую жару. Сегоднешний день был как раз из таких: ласковое солнце золотило гладь залива, лаская вершины гор и верхушки кипарисов.

«А в Петербурге сейчас мрак и ледяной ужас» — невольно подумалось Михаилу Илларионовичу. «Расскажи этим людям, как мы там живём — ведь и не поверят!» А между тем, текущей задачей его было как раз убедить одного из «этих людей» — уроженцев знойного юга — навсегда переехать в Петербург. Задача!

Собеседника Михаила Илларионовича звали Жак-Бальтазар Ле Брюн. Молодой провансалец (ему не было ещё и 40 лет), потомственный корабельный инженер, и восходящая звезда судостроения Оттоманской Порты. В этой характеристике прекрасно всё, — кроме последнего пункта! Немалых трудов стоило Кутузову затащить этого месье в посольство для откровенного и предметного разговора; и вот они наслаждаются замечательным турецким кофе на балконе посольского особняка.

— Право, мне так жаль, что ваш великолепный корабль погиб, едва вступив в строй!

Ле Брюн надулся. 120-пушечный «Мессудие», флагман

турецкого флота, едва-едва спущенный со стапелей, тут же сгорел дотла во время прорыва Ушакова через Проливы полтора месяца назад. Его обгорелый остов до сих пор виден из окон русского посольства. Конечно, к строителю по этому поводу не должно было быть никаких претензий: и самый лучший корабль в мире недолго выдержит обстрел калёными ядрами. Именно так рассуждали бы любые разумные люди везде и всегда...но только не в Истамбуле. Недели не прошло, как Ле Брюн стал жертвой совершенно идиотского расследования: чиновники Порты несколько раз вызывали его на допрос о причинах пожара на корабле. Видимо, им не могло прийти в голову, что деревянный корабль от соприкосновения с раскалённым докрасна чугуном непременно вспыхнет и сгорит, даже если такелаж его сплошь увешать знаменами с цитатами Пророка, а борта обить страницами из Ал-Корана. Это расследование страшно раздражало француза: будучи умным человеком, он понимал, что у недрах административного аппарата приютившей его страны зреет желание найти козла отпущения за немыслимое унижение, нанесенное им русским Черноморским флотом на глазах султана и всей столицы; и он, чужак, недавно лишь появившийся в Истамбуле и сразу наживший себе множество врагов среди местных инженеров, прекраснейшим образом подходил на эту роль...

— Право же, не могу даже себе представить, как это всё для меня кончится! — чистосердечно отвечал Ле-Брюн Ми-

хаилу Илларионовичу.

— Кстати, не желаете шампанского? «Moum demi-sec cordon vert», лучшее из даров вашей Родины! Уверен, вы скучаете по хорошему шампанскому: турки прекрасно разбираются в кофе, но вот с вином у них всё довольно-таки скверно!

— Извольте, не откажусь — охотно откликнулся Ле Брюн.

— Должно быть, вы не представляете, как я вам сочувствую! Позицию турецких адмиралов можно признать крайне неразумной, — продолжил Кутузов, когда стоившая, как два мешка первоклассного кофе, бутылка была откупорена и шипучая жидкость оказалась в бокалах гранёного богемского стекла. — Все знают, что новейшие русские корабли, построенные по заказу императора Александра, исключительно опасны. Ведь вы видели их, не так ли?

— Да, видел, как и весь Стамбул. Надо признать, в тот день адмирал Ушаков был хозяином турецкой столицы. Стоило ему спустить десант, и над дворцом Топкапы уже реял бы стяг с двуглавым орлом!

— Ну, что вы! Мы никогда не поступим таким образом! Нашей целью было лишь принудить Диван исполнять мирный договор, подписанный в Яссах несколько лет назад. Согласно его русские корабли могли проходить Проливы по одному, с задраенными орудийными портами. Но раз султан, подстрекаемый гнусными иностранцами, решил, что такие условия для него более неприемлемы, адмиралу Ушакову

пришлось идти в боевом порядке и во всеоружии. Вы видели, к какой трагедии это привело... Очень, очень неразумно! Но однако же вернёмся к вашим любимым кораблям. Вы видели их рангоут, их такелаж: не правда ли, впечатляюще?

— Да, я был удивлён. Похоже, ваши мастера сделали огромный шаг вперёд!

— О, вы не представляете, насколько! Теперь обводы корпуса определяются в опытовом бассейне, устроенном в Адмиралтействе, а прочность достигается применением железных связей. Новейшие корабли и фрегаты имеют железные мачты немыслимой ранее высоты, так что скорость наших фрегатов достигает четырнадцати узлов!

— Неужели? — поразился француз. — Это, несомненно, выдающийся результат!

— Да. Это всё высокие мачты и прочный такелаж, а также... Михаил Илларионович на секунду замешкался, и, отвернувшись, тайком взглянул в крохотную шпаргалку, заготовленную для разговора, —..., а также «телескопические лисель-реи». Приставляете, месье — телескопические! А самое главное — в Кронштадте делают теперь многочисленные и очень успешные опыты по установке на корабль парового двигателя. Это совершенно перевернёт всё кораблестроение мира!

— Паровой двигатель? — с сомнением переспросил Ле Брюн. В его представлении такая штукенция могла находиться где-то на шахте, в крайнем случае — на лесопилке. Но уж

никак не на корабле!

— Как ни невероятно сие звучит, а всё же это правда. Речной флот уже пользуется этим устройством. Два года назад император Александр, ещё будучи наследником, совершил путешествие вниз по Волге на пародвижущем судне, и теперь они уже отнюдь не редки! Я сам видел в Севастопольской бухте паровой буксир, буксирующий суда при неблагоприятном ветре. Очень удобно!

— Как же движущая сила пара передаётся воде?

— По бортам стоят гребные колёса, как у водяных мельниц. Есть ещё винтовые устройства, но, говорят, они секретны. . . . Однако иностранец. Поступивший на русскую службу, мог бы воочию увидеть последние плоды прогресса.

И, сделав многозначительную паузу, Кутузов произнёс:

— Не желаете ли, сударь, увидеть всё это своими глазами и самостоятельно во всём убедиться? Я имею полномочия от императора пригласить вас в Россию.

Его визави был поражён.

— Неужели? — только и вымолвил он.— Император Александр слышал про меня? Не верю своему счастью — это исключительная честь!

— О, да! Вы известны как многообещающий кораблестроитель, но лишь в России ваши умения раскроются должным образом, а таланты будут по достоинству оценены! Вы сможете строить там новейшие корабли исключительных свойств; о вас будут говорить, как о создателе будущего!

Россия теперь на переднем крае мирового кораблестроения, именно там зарождаются конструкции будущего. Спешите воспользоваться шансом стать частью этого успеха! Ну и, скромное вознаграждение в... Сколько вы получаете здесь?

— Примерно двенадцать тысяч ливров!

— О, как это унижительно! Поверьте, император по-другому относится к талантливым людям! Я имею честь предложить вам вознаграждение в семь тысяч рублей, что вдвое превышает названную вами сумму....

От открывающихся перспектив у провансальца закружилась голова. Да, там, на Севере происходит что-то необычное и волнующее. Корабли, убедительно разгромившие флот султана Селима, поразили его. Смелые, точные линии, изящество и смертоносная красота — они казались вышедшими из другой эпохи... А уж как убедителен был их точный огонь!

— Я... мне надо подумать, — наконец произнёс он.

— Конечно. Но только, мой дорогой друг, поторопитесь — не оказаться бы вам в османской тюрьме! Тут вас ничего хорошего уже не ожидает: стоит этим дикарям кого-нибудь заподозрить — они сживут беднягу со свету, не дадут ни спокойно исполнять свои обязанности, ни покинуть страну. Сколько я уже видел таких историй!

— Мне надо посоветоваться с братом!

— Ах, ну да. Ведь вы не один прибыли в Истамбул! Что же, ваш брат тоже опытный инженер, и также как вы, может

рассчитывать на гостеприимство нашего императора!

— О, уверен, он будет заинтересован. Сколько вы сказали — семь тысяч рублей?

— Именно. Итак, если вы решитесь, то знайте: через неделю я покидаю Турцию. Император отзывает меня для новой миссии — и право, я очень этому рад. Слишком многие меня здесь ненавидят; в этом городе ещё нескоро выветрится запах гари! Так вот, если вы примете верное решение, я рад буду пригласить вас на борт корабля как гостя нашей дипломатической миссии. Да, и вашего брата, и супруг, разумеется, тоже! Когда надумаете, дайте мне знать. Я буду здесь ещё восемь дней.

И через восемь дней Жак-Бальтазар Ле Брюн, его брат Франсуа Ле Брюн, их дети и супруги упаковали вещи, закрыли все обязательства и погрузились на борт фрегата «Кафа», отбывавшего в Херсон. Наречённый на новой Родине Яковом Яковлевичем, Ле Брюн де Сен-Катерин прожил долгую жизнь и сделал головокружительную карьеру, дослужившись в конце концов до должности главного кораблестроителя Российского флота.

Глава 6

После долгого дня и весьма приятно завершившегося вечера я уже было готовился заснуть, как вдруг лежавшая под боком супруга произнесла:

— Саша, послушай...

Сон сразу же пропал — ни в одном глазу! Это её фирменное «Саша, послушай» обычно бывает предвестником не самых приятных вопросов и всяческих беспокойств.

— Да? Что ты желаешь, ангел мой?

— Саша, я хотела бы больше участвовать в твоей жизни. Мы видимся всё реже. Ты уходишь, когда я ещё сплю, и приходишь так поздно...

Вот тебе и раз! Впрочем, этого следовало ожидать...

— Друг мой! — попытался я урезонить супругу. — Моя жизнь — управление делами России. Тебе придётся участвовать во многих скучных вещах, смысл которых будет тебе непонятен...

Но Наташу эти увещевания совершенно не впечатлили. Когда ей надо, она бывает чрезвычайно упорной. Как-никак — суворовская кровь!

— Может быть, я разберусь? У меня были хорошие успехи в Смольном!

— Хорошо. Если желаешь, я пойду сегодня осматривать последние достижения Технического центра — их выстав-

ляют в Вольном Экономическом обществе. Хочешь пойти со мною?

— Конечно, это же так интересно!

— Ну и славно. А ещё...

Я призадумался, пытаюсь на лету придумать, чем бы её занять. Купить спа-салон? Увы, их ещё не придумали, хотя идея недурна, да... Благотворительность? Праздники? Да, точно! Ведь скоро же Новый год, Рождество и всё такое!

— Вот что, Наташа. Для тебя есть первое задание: надобно устроить в Зимнем «Новогодние праздники».

— Как здорово! А что это будет? Бал? Машкерад?

— Да, непременно. Но прежде всего — новогодняя ёлка.

— Ёлка?

— Да, ёлка. Это символ Рождества в Германии. Ставят посреди залы красивую ель, украшают её специальными игрушками гирляндами (кстати, их срочно надо изготовить), водят вокруг хороводы, кладут под неё подарки. Одну поставим в Аванзале, а другую — прямо на улице.

— Разве этим не может заняться обер-шталмейстер?

— Может. Но он будет тратить чужие деньги, а ты — наши. Понимаешь?

— Да! А ты расскажешь, как это сделать, а то я никогда ничего подобного и не видела!

— Конечно.

Супруга прильнула ко мне потеснее.

— Саша, слушай. А правда, что то, что мы сейчас делали

— это грех?

Ну, вот, здравствуйте!

— Отчего же, милая?

— Ну, в Библии сказано, что мужчине и женщине следует возлечь для того, чтобы родить. А то, что мы делали сейчас, — от такого родить никак не получится! Это скорее похоже на грех Онана ...

Ндааааа... Начинается. После периода первой влюблённости у нас с супругой наступил более зрелый и чувственный период, когда стремишься познакомить любимую со всеми возможными гранями наслаждений. Но я уже замечал, что по поводу некоторых вещей Наташа испытывает некоторые моральные сомнения, мешающие ей в полной мере отдаться своим ощущениям. У меня уже были возможности убедить-ся, что моя супруга по природе своей — страстная женщина; но всё же, иногда наше общение проходит по рубрике «исполнить супружеский долг и баиньки».

— Нет такого в Библии!

— Ну как же, в «Послании к Коринфянам...»*

— Послушай. Ну что, право, за ерунда. Мы же с тобою никогда не уклонялись от нашего родительского предназначения, не так ли? У нас есть сын, прекрасный, крепкий мальчуган. Сейчас, пока ты кормишь грудью, у нас всё равно не получится зачать нового бузотёра, да и тебе надо восстановиться после родов.

— Детей надобно рожать, сколько Бог пошлёт!

— Ну, нет. Мало дать жизнь. Надо ещё выкормить и воспитать. А наше дворянство всё более уклоняется от этого. Младенцев сдают кормилицам и нянькам, и мать они видят раз в несколько дней, а отца — хорошо, если раз в несколько месяцев! Человек — социальное существо, его жизнь не ограничена биологией. Так что надобно соизмерять возможности, не только способность произвести детей, но и обиходить их. Ребёнок должен быть желанным, а не сваливаться на голову внезапно.

— Но ведь это Бог решает...

— Честно говоря, мы очень мало знаем про Бога, чтобы рассуждать, что он там решает, а что нет.

— Но святые отцы...

— Это всего лишь люди.

— Не говори так. Они разговаривали с Богом, видели ангелов...

— Это они так утверждали. Впрочем, даже если и видели, и разговаривали — а всё ли они правильно поняли?

— По всему вероятно, они знают и понимают больше, чем ты или я, -убеждённо заявила супруга.

— Ну, знаешь, не соглашусь. Ведь Бог, как известно, создал человека по своему образу и подобию. Так?

— Ну да, но...

— Так вот. Раз это так, мы можем судить о Боге, наблюдая за людьми. Не так ли, душа моя?

— Не знаю, — задумчиво протянула «душа». — Господь

наш много сильнее и мудрее любого из людей, в силу чего для нашего слабого разума он загадочен и непостижим....

— Да, знаем мы о нём мало. Однако же, что нам о Боге достоверно известно — это очень-очень большой начальник. Он ведаёт всем и знает обо всём, и ничего не может произойти без его воли. И я, как это ни странно звучит — тоже большой начальник! Так что, у нас с Богом чуть больше общего, чем у других людей, а значит, я могу высказать своё мнение о нём. Так вот, любой большой начальник не обращает особого внимания на мелочи. Ему важно, чтобы дела *в целом* шли в правильном направлении, а деталями пусть занимаются подчинённые. Так вот, у нас с тобою *в целом* дела идут как надо. Мы повенчаны, у нас ребёнок, полагаю, ещё будут дети. А сейчас тебе надо отдохнуть, восстановиться, чтобы твой организм подготовился к следующей беременности. Не беспокойся по пустякам, я уверен — существо, заявившее «Кто из вас без греха, пусть кинет в её камень», не будет слишком строго наказывать нас из-за всяких мелочей!

— Фу, какой ты скептик и матерьялист!

— Конечно. Пока мы в рассуждениях стоим на твёрдой материальной почве, мы можем быть уверены в выводах. А стоит уйти в высокие материи — всё, труба! Начинаются такие фантазии, что не приведи господи. И, как ярый эмпирик, я вижу, что предыдущие наши экзерсисы тебя не удовлетворили: иначе ты не стала бы затевать философского диспута в супружеской постели. Значит, надо пробовать по-другому.

А ну-ка, скидывай рубашку!

— Погоди, погоди. На самом деле я хотела с тобою поговорить о важном деле!

— Это не может подождать?

— Прости, боюсь, что нет.

Наташа, на скорую руку взбив подушку, села в кровати, опершись на высокое изголовье.

— Это уже не может ждать, Саша. Я про Константина Павловича и Аннет!

Тут я здорово напрягся. Костя последние пару лет совершенно отбился от рук. Он, конечно, занимался своими уланами (между прочим, уже четыре полка), ведал Конногвардейским и Лейб-Гвардии Казачьими полками, но главным его увлечением было волочиться за замужними дамами, повесничать и шпынять окружающих. Трактиры, бордели, попойки, скандалы — вот и всё, чем он был по-настоящему занят, причём придавался этому делу от всей души.

— Я говорила с Аннет... Она в полном отчаянии. Её брак ни на что не похож! Константин Павлович ведёт себя с нею совершенно непозволительным образом, совершенно не считаясь, что она — венценосная особа из высокородной семьи! Бедняжка по секрету рассказывает мне такие вещи... прости, я обещала, что буду нема, как могила, и не могу передать их тебе, но если ты питаешь ко мне хоть каплю доверия — просто поверь: там всё ужасно! Конечно, Аннет добрая христианка; но иногда я вижу, что в её положении нало-

жить на себя руки было бы тем выбором, что я, разумеется, не одобрила бы, но вполне поняла!

Моё игривое настроение без следа испарилось. Чёрт! Костик идёт вразнос. Он давно уже повёлся с самой буйной гвардейской молодёжью, и теперь стремится перещеголять своих приятелей в разных идиотских затеях, обычно грубых, иногда — опасных, и почти всегда непристойных. Да, есть над чем подумать... хотя, честно говоря, по большому счёту уже, наверное, поздно.

— Я поговорю с ним! — наконец ответил я жене постным голосом, и разочарованно завалился спать.

На следующее утро я первым делом послал своего флигель-адъютанта, молодого князя Волконского, за братом. День обещал быть радостным: сегодня по плану я осматривал новинки науки и техники, разработанные Техническим комитетом, лабораторией Лавуазье, заводами Хорнблауэра, Бёрда и рядом других «кумпанств». Я старался постоянно контролировать их работу, подкидывая разные идеи и отсекая заведомо тупиковые проекты; дело это было из тех, что невозможно перепоручить кому бы то ни было другому.

Наташе ещё спала, и мне жаль было будить её. К счастью, уже бодрствовала мадам Гесслер — пожилые люди просыпаются рано. Старая гувернантка приветствовала меня книксеном и гордой улыбкой. Несомненно, англичанка считала меня в какой-то мере своим детищем, и радовалась за меня,

как за собственного сына. И, надо признать, в этом мире, где половина детей умирает в младенчестве, вырастить здорового цесаревича — это действительно повод для гордости!

— Прасковья Ивановна, как Сашенька себя чувствует?

— Прекрасно, Ваше Величество! Правда, насморк ещё есть, но повышенная температура ушла, и он спал совершенно спокойно, просто как ангел!

— Чудесно. Будем надеяться, с ним и дальше всё будет хорошо. Можно мне посмотреть?

— Разумеется, только снимите ваши сапоги — они скрипят.

— Это паркет. Надо его уже перекладывать!

Тихонько войдя в детскую, я несколько минут глядел на младенца, лежавшего в орехового дерева колыбели под крошечным балдахином. Александр Александрович только что перенёс свою первую болезнь, а я — в полной мере ощутил, каково приходится родителям, когда никаких детских средств ещё не существует, и сама медицина бродит в потёмках, не ведая ни про вирусы, ни про микробы. Ну ничего — надеюсь, уже скоро исследования доктора Самойловича дадут свои результаты!

В приподнятом настроении я явился к зданию Вольного Экономического общества. Здесь выставлялись все наши достижения — и в механике, и в химии, и в прочих промышленных отраслях. Половина экспозиции находилась внутри, а часть, из наиболее громоздких машин — на площади пе-

ред ним.

Волконский уже предупредил всех, что я подъеду, и на крыльце небольшого особняка Вольного общества меня уже встречали президент Общества — Андрей Нартов, знаменитый его сопредседатель Иван Кулибин, и большинство членов Общества.

После кратких приветствий мы зашли внутрь.

— Как у вас тут стало тесно! — поразился я, от входа оказавшись в окружении экспонатов.

— Очень уж много плодов наших усилий принесено сюда, все уже и не помещаются! — улыбаясь в седую бороду, отвечал Иван Петрович.

— Надо будет сделать специальный Манеж для такого рода выставок! Только я, наверно, забуду — вы мне напомните, Андрей Андреевич!

Сначала мы подошли к «химическому» столу.

Так-так, новые красители... Оказывается, из индиго можно делать жёлтый пигмент! Научиться бы ещё получать лиловый; этот цвет никак не выходит добыть из растительного сырья. Надо активизировать свои поиски в сторону анилина...

Огромные успехи в перегонке каменноугольного дёгтя — мы выделили фенол. Это точно он — я отлично помню этот «фанерный» запах! А вот эта тёмная жидкость в пробирке, без сомнения, креазот — дивный аромат железнодорожных шпал ни с чем не перепутаешь!

Тут же были новые образцы резиновых изделий. Непромокаемая одежда, калоши, уплотнения, изделия для химии и медицины... даже откатной буфер для морских артиллерийских орудий. Жаль, что малайский каучук мы получим в лучшем случае лет через 20, потому что бразильского ощутимо не хватает уже сейчас.

Затем мы перешли к механическим столам, занимавшим несколько столов; да ещё прямо на полу стояли громоздкие новые станки. Первым делом я подошёл к ним.

Маркиз Пьюсегюр умудрился выловить из моей головы некоторую информацию о токарно-копировальном станке. Интереснейшая штука: он сам после запуска выполняет свою работу, направляя движение резца по копиру, так что форма детали повторяет его конфигурацию. Мастеровому не надо мучиться, что-то размечая и вымеряя: достаточно поставить нужный копир, и станок сам выточит потребное изделие! Идеальная вещь для производства столь нужных нам корабельных блоков, осей, труб — да много чего! Правда, моих знаний для воспроизводства столь сложного устройства всё равно бы не хватило; но, к счастью, оказалось, что покойный отец Андрея Андреевича, знаменитый петровский механик Андрей Константинович Нартов уже изобрёл этот самый токарно-копировальный станок ещё в бытность Петра Великого! Удивительно, как это изобретение по сию пору не получило развития! На совершенствование конструкции были брошены лучшие механики Технического Центра, и вот —

результат налицо! Привод пока механический, но на подходе уже и электродвигатель, и генератор.

Рядом — фрезерный станок. Необходимейшая вещь! Правда, изготовить хорошую фрезу — тот ещё квест, но дело того стоит. Токарный, сверлильный и фрезерный станки — это, можно сказать, три столпа индустрии, будущее нашего механоделания.

А вот и подшипники разных видов: шариковые, роликовые, игольчатые, конические, торцевые, и прочее и прочее. Стандартизованный крепёж. Новые инструменты — свёрла, фрезы, резцы, пока, к сожалению, далекие от идеала. Для изготовления долговечного, производительного инструмента надо получить сталь, легированную вольфрамом. Пока нам этого не удалось — слишком уж тугоплавкий этот металл.

— Из какого сплава инструменты? — спросил я у Нартова.

— Платиновой стали, Ваше Величество! — пояснил президент.

— Вот как? И много ли платины в него добавляли?

— Совсем нет — пять золотников на пуд. Полученный металл отменно хорош! Очень мелкое зерно — идёт и на резательный инструмент, и на пружины!

— Отлично. Попробуйте ещё делать из неё медицинский инструмент.

Платина, добываемая у нас на Урале, почему-то не имеет

статуса благородного металла и ценится невысоко. Зато она очень пригодится нам в химическом производстве; ведь этот металл — отличный катализатор для многих реакций!

Затем мы перешли к «электрическому» столу. Тут у нас огромный прогресс — генераторы, трансформаторы, электродвигатели... Работы ещё очень много, но уже теперь понятно, что в этой сфере мы идём вперёд семимильными шагами. Не зря я в предыдущей жизни торговал дифавтоматами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.